

Рудольф Баландин

Сальвадор Дали **Искусство и эпатаж**

людям о людях

Рудольф Константинович Баландин
Сальвадор Дали. Искусство и эпатаж
Серия «Людам о людях»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14653646

Р. К. Баландин. Сальвадор Дали. Искусство и эпатаж: ООО «Издательство «Вече»; Москва; 2013

ISBN 978-5-4444-1036-3, 978-5-4444-8192-9

Аннотация

Он был всемирно признанным чудаком – в полном соответствии с его целью будоражить и эпатировать, возмущать и восхищать публику. Создавая свои многочисленные картины, он играл со зрителем, предлагая разгадывать символы или находить изображения, возникающие из соединения разобщенных фигур. Он считал, что «в наше время, когда повсеместно торжествует посредственность, все значительное, все настоящее должно плыть или в стороне, или против течения». Имя ему – Сальвадор Дали.

Содержание

Предисловие. Самый крупный из пигмеев	5
Глава 1. Детство как диагноз	8
Гений и помешательство	8
Миф о рождении гения	11
Дважды рожденный?	12
Борьба за индивидуальность	15
Место рождения гения	17
Память детства	20
«Детские воспоминания о том, чего не было»	24
«Детские воспоминания о том, что было»	27
Глава 2. В поисках самого себя	30
Бунтарь-одиночка	30
Путь к творчеству	34
Из-под ига Эго	37
Путь к себе	40
Тайна личности	43
Печать Иуды: синдром предателя	49
Смена вех на жизненном пути	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Рудольф Баландин

Сальвадор Дали. Искусство и эпатаж

© Баландин Р. К., 2013

© ООО «Издательство «Вече», 2013

* * *

Предисловие. Самый крупный из пигмеев

*В наше время, когда повсеместно торжествует
посредственность, все значительное, все настоящее должно плыть
или в стороне, или против течения.*

Сальвадор Дали

1

«Другие так плохи, что я оказался лучше».

«Наше время – эпоха пигмеев. Остается только удивляться тому, что гениев еще не травят, как тараканов, и не побивают камнями».

«Кинематограф обречен, ибо это индустрия потребления, рассчитанная на потребу миллионов. Не говоря уж о том, что фильм делает целая куча идиотов».

«Я пишу картину потому, что не понимаю того, что пишу».

«Сюрреализм – полная свобода человеческого существа и право его грезить. Я не сюрреалист, я – сюрреализм».

Так говорил Сальвадор Дали.

По его словам, он писательством занимался из-за своей недостаточной одаренности в живописи. Называл себя гением:

«Я часто думаю, что ведь куда труднее (а значит, и достойнее) достичь того, что я достиг, не обладая талантом, не владея ни рисунком, ни живописью. Именно поэтому я считаю себя гением. И от слова этого не отступлюсь, потому что знаю, чего это стоит, – без никаких данных сделаться тем, что я есть».

Он был всемирно признанным чудачком – в полном соответствии с его целью будоражить и эпатировать, возмущать и восхищать публику. «Дон Сальвадор всегда на сцене!» – восклицал он. Создавая свои многочисленные картины, играл со зрителем, предлагая разгадывать символы или находить изображения, возникающие из соединения разобщенных фигур.

Дали называл свой метод параноидально-критическим, хотя не страдал паранойей, да и критицизмом тоже, если не считать его отдельных высказываний. В Америке шокировал публику, написав «Декларацию независимости воображения и прав человека на свое собственное безумие».

Имитация духовного недуга приносила ему не только славу, но и значительные доходы. (Два его постулата: «Я брежу, следовательно, я существую. И более того: я существую, потому что брежу». И еще: «Простейший способ освободиться от власти золота – это иметь его в избытке».)

Его раздражали те, кто бездарно разыгрывает свои эпатирующие роли: «В Нью-Йорке я видел панков, затянутых в черную кожу и увешанных цепями... Нам выпало жить в дерьмовую эпоху, а им хочется быть дерьмеем самого дерьма».

Сам он любил позировать в экзотическом виде, закручивая усы двумя стрелками вверх до вытаращенных глаз. Артист в жизни, творец в мастерской, имитатор и провокатор; писатель среди художников, художник среди писателей. Признанный – прежде всего самим собой – гений, а потому заставляющий сомневаться в этом. Тем более что о нем слагали мифы, и первым – он сам.

«Более полувека, – пишет филолог-испанист Н. Р. Малиновская, – Дали олицетворял для нашего искусствоведения “разложение буржуазного искусства”. Нисколько не сомнева-

юсь, что Дали – узнай он об этой формулировке – оценил бы выразительное определение (ведь именно он ввел в эстетический обиход термин “тухлятина”) и даже, полагаю, авторизовал бы его, как авторизовал прозвище Авидадолларс, “Деньголюб”.

О прозвище мы слышаны. Как и о том, что Дали заявился на бал в свою честь, украсив шляпу протухшей селедкой; сошел с корабля, таща на голове двухметровый хлеб, испеченный ради такого случая; окунул в краску морскую звезду и принародно пустил ее ползти по холсту, уверяя, что собравшиеся присутствуют при рождении шедевра. Дошла до нас и информация об аудиенции, данной Хачатуряну, – о танце с саблями, исполненном в чем мать родила. Балетное искусство семидесятилетнего художника впечатляло, но все горше становилось оттого, что его судьба – блистательный трагифарс длиною в жизнь, заслонивший подвижническое служение искусству, стал неременным атрибутом салонной беседы, а его творчество все отчетливее присваивается масс-культурой».

2

Биография Дали – как многих мастеров – сосредоточена прежде всего в творчестве, а уже затем – во внешних событиях. Хотя порой он чрезмерно заботился о том, чтобы обескуражить окружающих, ошеломить, шокировать, заставить говорить о себе, словно компенсируя свою болезненную застенчивость в молодости.

Говорят, в искусстве все жанры хороши, кроме скучного. Такой принцип ему вполне подходит. Впрочем, о его взглядах трудно судить: они были разными в различные периоды его творчества, а порой в одно и то же время.

Ян Гибсон, автор объемистой книги «Безумная жизнь Сальвадора Дали», заклеил его автобиографию, на которую нам придется нередко ссылаться:

«“Тайная жизнь” – это мемуары охваченного манией величия человека, написанные без оглядки на факты или с тщательным пропуском оных. Дали, например, не вспоминает о своем неистовом марксизме юношеских лет. Он не объясняет причины своего изгнания из семьи в 1929 году (не упоминается оскорбительная надпись на картине “Священное Сердце”). Едва упоминает о Бретоне, хотя испытал сильное влияние основателя сюрреализма. Кроме того, читателя уверяют, что, вступив в сюрреалистические ряды, Дали выдвинул идею “завоевания иррационального”, отвергнув автоматизм, хотя в действительности свою идею он сформулировал только в 1935 году. [...]

Дали приписал себе заслугу создания моды на сюрреалистические объекты без ссылок на своих предшественников в этом жанре, придав забвению настойчивые призывы Бретона к повсеместной пропаганде этих “объектов”. Он насмехается над политическими убеждениями сюрреализма, хотя долгое время их разделял (“Лично меня политика никогда не прельщала”, – убеждает он нас, очевидно забыв о своем сотрудничестве с “Рабоче-крестьянским фронтом” Каталонии). Вся вина за антиклерикализм “Золотого века” возложена на Бунюэля. Дали утверждает, что к 1930 году – времени выпуска фильма – был уже “ослеплен и охвачен величием и пышностью католицизма”... Дали выдает Пикассо за одного из своих ближайших друзей. Говоря о смерти Лорки, он утверждает, что этот “самый аполитичный человек на свете” был расстрелян фашистами исключительно как “искупительная жертва”, которой требовало всеобщее “революционное помешательство” ... Предательство следует за предательством; отказ от старых друзей, от собственных слов и поступков, от правды, наконец, предательство заявленного в начале книги обещания, что она явится “честной попыткой автопортрета”».

Отдельные упреки Яна Гибсона более или менее обоснованны, однако общий вывод сомнителен. Во-первых, свою манию величия Дали мог имитировать. Во-вторых, он никогда не предавал двух самых любимых людей: себя и жену Галу. В-третьих, он не клялся в вер-

ности каким-либо убеждениям, а потому менял их без мучительных раздумий. В-четвертых, он постарался честно написать свой словесный автопортрет, но только в свойственной ему сюрреалистической манере.

Приходится считаться со стилем жизни в жизнеописании Сальвадора Дали. Как говаривал знаменитый французский натуралист Жорж Бюффон, «стиль – это человек».

3

Противоречий в своих воспоминаниях и высказываниях Сальвадор Дали даже не старался избегать. Таким он был. Если в природе и общественной жизни мы наблюдаем единство в противоречиях и разнообразии, то почему бы не признать это естественным качеством личности? Так мог возразить Сальвадор Дали на упреки некоторых его критиков.

В 1928 году он – один из авторов «Каталонского антихудожественного манифеста» – утверждал: «Спортсмен, не тронутый знанием и не ведающий художеств, лучше поймет современное искусство, чем подслеповатые умники, отягощенные ненужной эрудицией. Для нас Греция жива в чертеже авиационного мотора, в не претендующей на красоту фабричной спортивной ткани».

Тогда же Дали воспел техническое достижение: «О фантазия фотографии! Она удачливее и проворнее мутных процессов подсознания!..

О фотография, свободное творчество духа!»

В ту пору он призывал «раскрыть глаза на простую и волнующую красоту волшебного индустриального мира, красоту техники... Телефон, унитаз с педалью, белый эмалированный холодильник, биде, граммофон – вот предметы, полные истинной и первозданной поэзии!»

Слова его, повторяющие лозунги футуризма, расходились с делом. Он стал создавать сюрреалистические картины – синтез бреда и яви, сновидений и продуманных фантазий. В них ощущается увлечение автора не техникой, а духовным миром человека и фрейдизмом, в угоду которому Дали вносил в картины эротические символы, сюжеты и ассоциации.

«Механизм, – писал он, – изначально был моим личным врагом, а что до часов, то они были обречены растечься или вовсе не существовать».

А как же его прежние восторги перед техникой? Никак! На свои противоречия он не обращал внимания. Чтобы Сальвадор Дали подчинялся механическим законам логики? Никогда! Дон Сальвадор выше логики! Свобода бреда не менее важна, чем свобода слова, если это бред гения...

Пожалуй, так мог бы ответить он. Что при этом он мог подумать – остается загадкой.

На одном из поздних снимков он запечатлен на фоне своеобразного «иконостаса»: за ним красуются справа налево фотографии жены и музы Галы, Джоконды Леонардо да Винчи, Гитлера, Сталина. Вряд ли Дали лукавил: он был решительным приверженцем культа личности. В первую очередь – самого себя.

Глава 1. Детство как диагноз

В детстве я был злым, злым я и рос и оттого до сих пор еще страдаю... Еще в раннем детстве я приобрел порочную привычку считать себя не таким, как все, и вести себя иначе, чем прочие смертные. Как оказалось, это золотая жила!
Сальвадор Дали

Гений и помешательство

Сальвадор Дали вряд ли стал бы возражать против того, чтобы его назвали «безумным гением». Однако если кто-то и доставил ему такое удовольствие, то по недоразумению.

Можно возразить: не он ли сам называл свои картины «Параноидально-критическое одиночество», «Окраины параноидально-критического города», «Великий параноик»?..

Да, многие его произведения наводят на мысль о душевном недуге автора. Во всяком случае, к такому выводу пришел бы психиатр XIX века. А один из них – Чезаре Ломброзо – в книге «Гениальность и помешательство» попытался доказать сходство этих двух состояний.

Дали жил и творил в XX веке, когда удивить странными картинами его кисти можно было разве только профана. От абстрактных композиций из линий и пятен, от супрематических (в переводе – наивысших) «Черного квадрата» и «Белого квадрата на белом фоне» Казимира Малевича работы Сальвадора Дали отличаются именно продуманностью.

Придирчивый критик мог бы упрекнуть его в излишней смысловой нагрузке некоторых его произведений, в нарочитой изощренности многих подписей к картинам – своей образной «литературщине» и «философщине» в живописи. Ему нравилось и даже стало принципиальной установкой удивлять и шокировать почтеннейшую публику, загадывать ей головоломки, порой не имеющие определенного решения.

Многое из того, что произошло с ним как со знаменитым художником и талантливым писателем, корнями уходит в детство. В этом он не оригинален. Но далеко не всегда можно понять, где его подлинные детские переживания и мысли, а что придумано им, когда он писал воспоминания.

В книге «Тайная жизнь Сальвадора Дали, написанная им самим» есть «внутриутробные мемуары». Что это? Судите сами:

«Полагаю, что мои читатели не помнят ровным счетом ничего или же сохранили самые смутные воспоминания о том, что предшествовало их рождению и имело место в материнской утробе. Я же помню все, и так явственно, словно это было вчера. И потому полагаю нужным начать книгу о моей тайной жизни с самого начала, с истинного начала моей жизни, иначе говоря, с текучих, странных воспоминаний о внутриутробной эпохе. Вне всякого сомнения, я первый пишу внутриутробные мемуары – сочинений такого рода в строгом смысле слова история литературы еще не знает».

Он это писал в 1940–1941 годах, когда в художественной литературе еще не было принято сочинять воспоминания о своем существовании в утробе матери. В психологии было принято считать, что все происходившее с малышом до двух-трех лет забывается напрочь. Выходит, Сальвадор Дали был единственным исключением из этого правила! Перед нами открывается фантастическая, но, возможно, похожая на правду картина:

«И действительно, если меня спросят, как там было, я отвечу: “Божественно! Как в раю!” Каков же он, тот рай? Не беспокойтесь, узнаете, причем во всех подробностях. Начну же я с краткого общего описания. Внутриутробный рай цветом схож с адом: он – огненно-

алый, мерцающий, оранжево-золотой, вспыхивающий синими языками, текучий, теплый, липкий и в то же время недвижимый, крепкий, симметрично выверенный. Какое блаженство, какой восторг испытывал я в те дивные времена, когда перед глазами у меня реяла яичница из двух яиц без всякой сковороды! С тех пор душа моя всякий раз повергается в трепет при виде этого галлюциногенного блюда.

Яичница из двух яиц без сковороды, увиденная мною во внутриутробном раю, была великолепна: желтки сияли, а белки, пронизанные еле заметными жилочками, отливали голубизной. Эта яичница-глазунья реяла надо мной: то нависала, то отплывала куда-то в сторону, вверх или вниз, и застывала перламутровыми шарами – а то и драгоценными жемчужинами! – а после пропадала во тьме – постепенно, как луны, клонящиеся к ущербу. Я и сейчас могу вызвать этот образ, вернее, слабый его отблеск, лишенный того величия и колдовской силы, – надо только сильно нажать пальцами на глаза. Наверное, и то внутриутробное видение тоже возникало из-за давления, ведь плод свернут в комочек так, что кулачки вдавливаются в глаза. Не зря дети любят надавливать пальцами на глаза, а когда перед глазами начинают плавать цветные круги, говорят, что “видели ангелочков”. Не замечая боли, они все сильнее давят себе на глаза затем только, чтобы воскресить свои внутриутробные видения и хоть на миг погрузиться в тот дивный мерцающий мир потерянного рая.

Всякий раз, когда мы подвергаемся опасности, в душе воскресают образы внутриутробного бытия – как знак спасения. Помню, в детстве в грозу мы прятались под столом, укрытым длинной, свешивавшейся почти до полу скатертью. А когда играли, устраивали себе из стульев и покрывал нечто вроде хижины. Какое наслаждение, пребывая в укрытии, слушать шум дождя и грохот бури! Как счастливы мы были, играя, и как сладко об этом вспоминать! Спрятавшись за пологом, мы сосали леденцы, пили сладкий лимонад и наслаждались имитацией рая.

Память о внутриутробном рае и изгнании из рая воплотилась в образы, которые и поныне сохраняют для меня свою привлекательность. В детстве я вызывал их так: вставал на четвереньки и изо всех сил мотал головой, как маятником, до тех пор, пока не оказывался на грани обморока, и тогда перед глазами в непроглядной тьме, которая чернее всякой ночи, загоралось два сияющих круга – та самая, уже описанная мною яичница без сковороды. В конце концов горящая яичница лопалась, заливая все, проникая во все поры, обволакивая все бугорки, – и все мое существо ликovalo, торжествуя победу текучей, мягкой материи. Если б мог, я остановил бы это мгновение».

Вряд ли мог Сальвадор Дали вспомнить о своем пребывании в «утробном раю». опыты психологов и гипнологов показали, что так называемые пренатальные (перед рождением) воспоминания пациентов, находящихся под гипнозом, фиксируют и тяжелые, а то и страшные переживания – в зависимости от состояния матери. Хотя до сих пор неясно, действительные или воображаемые подобные экскурсии в далекое прошлое. Проблема интригующая, сложная, а для наших целей не существенная.

Обладая Дали феноменальной памятью, он вспомнил бы многое из того, что произошло с ним в возрасте до трех-четырех лет. Однако об этом у него ничего не сказано. Судя по всему, он рассуждал о пребывании в раю перед появлением на свет, зная о соответствующих психологических опытах. Он умел убедить себя в реальности того, что могло быть. У талантливого художника воображаемые образы могут быть яркими и красочными, как сновидения, и грань между ними и воспоминаниями теряется.

Впрочем, и без «утробных» воспоминаний, и без шизофренических видений Дали был яркой личностью. Прославился он как оригинальный художник и большой чудак только потому, что о его картинах и чудачествах постоянно трезвонила пресса. А ведь он был одаренным писателем (хотя и не всегда ладившим с литературным языком) и незаурядным мыслителем.

При всем своем увлечении фрейдизмом он не обратил внимания на то, что высказал мысль, по-новому объясняющую любовь детей к матери. Фрейд предполагал существование «комплекса Эдипа», связывая с этим сексуальное тяготение мальчика к матери при подсознательной вражде к отцу (мы еще поговорит об этом). По мнению Дали, тут проявляется тоска по потерянному раю, чувство былого блаженства и покоя. На мой взгляд, такое мнение предпочтительнее, хотя и оно не бесспорное.

Миф о рождении гения

«Дитя, рожденное утром 11 мая в восемь часов сорок пять минут и поименованное Сальвадор Фелипе Хасинто, является законным сыном заявителя и его жены, доньи Фелипы Доменеч, 30 лет от роду, уроженки города Барселоны, ныне проживающей в доме заявителя. По отцовской линии дитя продолжает род деда – дона Гало Дали Виньяса, уроженца Кадакеса, ныне покойного, и доньи Тересы Куси Марко, уроженки Росаса, а по материнской линии – род дона Ансельмо Доменеча Серры и доньи Марии Феррес Садурни, уроженцев Барселоны».

Так было формально зарегистрировано событие статистически заурядное, но выдающееся как появление на свет того, кого многие, а прежде всего он сам, нарекут гением. Свершилось это в небольшом городке Фигерас 13 мая 1904 года в 11 утра. Отец ребенка – дон Сальвадор Дали-и-Куси, уроженец Кадакеса (провинция Жерона), владелец нотариальной конторы, сорока одного года, проживающий на улице Монтуриоль в доме № 20. Обо всем этом приходится говорить подробно, ибо сам гений сообщил о своем появлении на планете Земля так:

«Родился Сальвадор Дали – пусть в честь его звонят все колокола! Пусть крестьянин, склоненный над плугом, распрямит искореженную, как ствол оливы, спину, присядет, подперев натруженной рукой свою изрытую бороздами морщин щеку, и задумается.

Родился Сальвадор Дали! Ветер стих, и небо прояснилось. Средиземное море спокойно – на его гладкой рыбьей коже играет семь солнечных бликов, семь золотых чешуек. Именно семь – больше Сальвадору Дали и не нужно.

Должно быть, таким же утром пристали к нашим берегам греки и финикийцы и под небом, отчетливее и пронзительнее которого нет на свете, выстругали колыбель средиземноморской цивилизации и разостлали те чистейшие пелены, что приняли меня, новорожденного.

Распрямись и ты, рыбак с мыса Креус, выплюнь, да подальше, свой жеваный-пережеванный окуроч, подними весла – пусть стекут капли, смахни тяжелую медовую слезу, застывшую в уголке глаза, и посмотри сюда – я родился!..

Смотрите же! Смотрите все! Не зря в доме на улице Монтуриоль царит радостная суматоха, а умиленные родители не сводят глаз с новорожденного».

Рождение гения!

А может быть, так следует приветствовать появление на свет почти любого новорожденного? Ведь утверждать о врожденной, генетически предопределенной гениальности нет никаких оснований. На генеалогических древах выдающихся творцов они почти всегда красуются одиноко, словно диковинные плоды не от мира сего.

Гениями рождаемся все мы, а негениями становимся по прихоти судьбы и по собственной инициативе.

Полагаю, с таким утверждением многие не согласятся. Даже в «Философском словаре» сказано: гениальность предполагает «врожденную способность к продуктивной деятельности в той или иной области». Говорят, Сократ на вопрос об источнике его мудрости ответил: ему подсказывает мысли демон (в Древнем Риме демона-покровителя называли гениусом). Но что это за способность и как она появляется в человеке, остается загадкой.

Эта загадка имеет прямое отношение к жизнеописанию Сальвадора Дали. Его миф о рождении гения заслуживает пояснения. Обратим внимание на то, что появился на свет младенец в состоятельной семье Дали, а не в ветхой лачуге пастуха или рыбака. Это – важное обстоятельство.

Дважды рожденный?

Он с младенчества был под ласковой опекой матери, тети Каталины, бабушки Аны, доброй няни Лусии. Им любовались и восхищались, его баловали, потакали всем его прихотям. Ему доставалось любви и заботы вдвойне – еще и за умершего старшего брата (тоже по имени Сальвадор). Позже к восторгам и умилениям вокруг Сальвадора присоединилась его младшая сестра Ана Мария.

В книге «Дали великий параноик» французский искусствовед Жан-Луи Гайеман отметил: «Избалованный ребенок в руках трех женщин: мамы, бабушки, затем и младшей сестры, если не считать многочисленных нянек – таким был малыш Сальвадор. Это был тиран, страстно обожаемый в семье, которая находилась под величественной властью отца».

Казалось бы, в столь прихотливой тепличной среде может вырасти лишь «несчастный плод любви безумной», как пелось в жестоком романсе. Это вынуждает присмотреться к детским и юношеским годам Дали. Почему и как преодолел он давление среды?

Сам он много позже ссылался на богатство и силу своих ощущений: «До сих пор мне памятны эротические восторги младенца – сколь неистово, с какой не знавшей удержу страстью я приникал к источнику наслаждения, и горе тому, кто осмеливался мне перечить! Однажды я зверски исцарапал булавкой няньку, которую обожал, только за то, что лавка, где надлежало купить вытребованные мною сласти, была заперта. Проще говоря, я оказался жизнеспособнее брата. Этот первый набросок к моему портрету: я страдал избытком совершенства, избытком свободы».

О каком избытке свободы можно говорить в подобных случаях? Да, ему слишком многое дозволялось. Но ведь находился он не в цыганском таборе, а в условиях богатой (для тех мест) буржуазной семьи. Постоянная опека – это и есть главный признак несвободы. А капризы ребенка – не признак избытка совершенства или свободы, а результат определенного воспитания.

Показательно, что капризничал он только в присутствии женщин, а при отце сдерживал себя. Такая сдержанность многое определила в его жизни. Но сказалась и распушенность разбалованного ребенка.

«Свобода, – по словам Дали, – если определять ее как эстетическую категорию, есть органическая неспособность обрести форму, сама аморфность. А форма – это особая реакция материи, подвергнутой давлению. И чем совершеннее эта материя, тем больше у нее шансов погибнуть, в то время как несовершенные виды приспособляются, используют все оставленные им возможности, переливаются, заполняют все ниши, тем на свой лад противясь гнету и обретая в итоге форму, свой неповторимый облик.

Мой брат, наделенный свободным, ясным и, следовательно, аморфным умом, не выдержал гнета – в отличие от меня, последыша, анархиста, многоликого блудодея. Я жадно и яростно набрасывался и на сласти, и на умозрительные понятия. Я поминутно менялся – и оставался собой. Я был гибок, трусоват, податлив; моему текучему мозгу еще предстояло испытать великую пытку инквизиторскими тисками испанской метафизики, и в результате моя редкостная гениальность обрела свой облик.

Родители дали мне то же имя, что и брату. Меня зовут Сальвадором – Спасителем – в знак того, что во времена угрожающей техники и процветания посредственности, которые нам выпала честь претерпевать, я призван спасти искусство от пустоты. Только в прошлом я вижу гениев, подобных Рафаэлю, – они представляются мне богами. Сегодня, может быть, только я один понимаю, почему никому и никогда не удастся их превзойти. Я знаю, что сделанное мною рядом с ними – крах чистой воды. И все-таки я предпочел бы жить в другое время – когда не было такой нужды спасать искусство. Но, глядя по сторонам, в тысячный раз

убеждаюсь, что, сколько бы ни обреталось вблизи меня величайших умов (а они есть), ни за что не согласился бы я ни с кем поменяться местами. Проницательный читатель, наверное, уже догадался, что скромность не числится в списке моих добродетелей».

...Помню свое давнее высказывание: скромность – достоинство тех, у кого нет других достоинств. В этой шутке есть доля истины. Талантливый человек, создатель выдающихся произведений, оригинальных работ, научных или философских открытий по отношению к своим творениям не должен быть скромным. Хотя и преувеличивать свои достижения не следует.

Упомянув умершего брата, Дали затронул тему непростую. Младенец Сальвадор, судя по его имени, фамилии, родителям, явился на свет вторично! Незадолго до этого события у доньи Фелипы Доменеч и доня Сальвадора Дали-и-Куси в том же городе Фигерасе умер малыш по имени Сальвадор.

Само по себе повторение имени еще ни о чем не говорит... Если не учитывать характер того Сальвадора, которому будет суждена долгая жизнь. Ему в повторении имени чудился мистический знак. На лекции в Париже 12 декабря 1961 года он признался:

«Все мои эксцентричные выходки, все нелепые представления объясняются трагическим желанием, которым я был одержим всю жизнь: я всегда хотел доказать самому себе, что существую, что я – это я, а не покойный брат».

Судя по некоторым его признаниям, призрак брата маячил перед ним, тревожил, заставлял усомниться в собственном существовании. Это выглядит странным, если учесть, что они жили в разное время. Вспоминая брата, которого он не знал, Сальвадор Дали допускает немало вольностей.

«У меня был брат, – писал он, – в семь лет он заболел менингитом и умер, а случилось это за три года до моего рождения. Его смерть повергла родителей в отчаяние, и только мое появление на свет примирило их с утратой. Мы с братом, такие разные, походили друг на друга как две капли воды. Лицо его тоже отметила печать гениальности – ее ни с чем не спутаешь».

В этом месте он сделал примечание: «В 1929 году я осознал, что гениален, и до сих пор не имел случая в том усомниться. Напротив, убежденность моя крепла; должен, однако, признаться, что никаких особых восторгов по этому поводу я никогда не испытывал, разве что легкое удовлетворение».

Надеюсь, он не кривил душой. Да и какие могут быть восторги, если человек психически нормален и отдает себе отчет в том, что среди своих современников может считаться корифеем! По его словам, подлинные гении остались в прошлом; нет оснований для радости и гордости, если возвышаешься над пигмеями...

То, что он имел склонность выпячивать свое «я», – бесспорно. Вот только его ссылки на умершего брата не следует воспринимать как бесспорную истину. У него слишком многое зависело от настроения и от впечатлений, которые производили прочитанные им книги по психоанализу.

Испанский писатель Карлос Рохас в книге «Мифический и магический мир Сальвадора Дали» с чрезмерным доверием к учению Зигмунда Фрейда попытался разобрать, словно часовой механизм, строй личности художника. По мнению Рохаса, мнимое «предсуществование» Сальвадора в лице его умершего брата имело поистине магический эффект:

«Если верить заявлениям художника, во множестве разбросанным по страницам “Тайной жизни” и “Невыразимых признаний”, а также тому, что он говорил доктору Румгэру, психиатру, которого предпочитал другим, – да, впрочем, и не только ему, – Сальвадор Дали, по всей видимости, был действительно убежден, что брат его умер от менингита в семилетнем возрасте – за три года до того, как будущий маэстро появился на свет. Как подтверждают метрические записи, даты эти ошибочны, да и причина смерти младенца была иной.

В действительности первенец нотариуса умер в пять часов вечера 1 августа 1903 года от острой желудочной инфекции, возможно сопутствующей туберкулезу, что и записано в свидетельстве о смерти. Но, хотя в официальном свидетельстве и значится острая желудочная инфекция как причина смерти, вполне вероятно, что ребенок скончался от туберкулеза и смерть его ошибочно объясняют желудочным заболеванием, одним из наиболее распространенных в то время диагнозов. Тогда становится понятным, почему мысль об агонии брата ассоциировалась у Дали с сильнейшим приступом кашля, который так пугал родителей.

И было младенцу не семь лет, а всего лишь без малого двадцать два месяца, поскольку родился он 12 октября 1901 года... Младенец этот испустил последний вздох за девять месяцев, девять дней и шестнадцать часов до того, как на свет появился его брат и тезка – Божественный Дали, так похожий в раннем детстве на первенца. Отец, по всей видимости, был настолько убит горем, что не смог сам сделать официальное сообщение о смерти ребенка. Вместо него отправился некий Антонио Виньолас... Однако, судя по всему, безутешное горе не помешало дону Сальвадору Дали-и-Куси и супруге его, донье Фелипе, немедленно – возможно, в тот же вечер, когда первенец их ушел в мир иной, – зачать другого ребенка, словно таким образом они хотели воскресить малыша».

С последним предположением трудно согласиться. После кончины первого Сальвадора прошло больше девяти месяцев, а второй Сальвадор мог родиться чуть раньше среднего срока беременности.

Почему Сальвадор Дали упорно сдвигал дату смерти старшего брата на три года назад? По мнению Карлоса Рохаса, это было сделано сначала бессознательно, затем осознанно: так художник боролся с призраком брата за своеобразие собственной личности. На мой взгляд, вряд ли следует придавать такой «двойственности» слишком большое значение.

Призрак умершего брата – один из мифов, сочиненных Сальвадором Дали. Ими он завораживал слушателей, а то и самого себя. Заманчиво быть как бы дважды рожденным!

Брат его умер слишком маленьким, чтобы проявить свой ум или таланты. О нем, судя по всему, в семье предпочитали не говорить, во всяком случае, при детях. Тем более что был второй Сальвадор. Отец не верил в воплощение душ, а потому не мог подсказать сыну мысль о старшем брате-двойнике. По-видимому, ее придумал сам художник, и не в детстве и юности, а в зрелые годы, создавая миф о самом себе.

Идея оказалась продуктивной. Ради нее художник сочинил для умершего брата мифическую биографию с такими же годами рождения и смерти. Опровергнутый фактами, миф не был отброшен и забыт. Как часто бывает, он обрел новый смысл, и некоторые исследователи, подобно К. Рохасу, основали на нем свои гипотезы о своеобразном психическом «комплексе» художника.

Реальность проще и убедительнее. Сальвадор Дали пустил в оборот миф о своей борьбе с призраком умершего брата, чтобы скрыть в этом мистическом тумане то, что ему пришлось преодолевать в действительности.

Борьба за индивидуальность

Отца художника тоже звали Сальвадором. Он был человеком незаурядным – атеистом и республиканцем, в начале XX века в испанской провинции такие убеждения встречались редко. Преодолеть интеллектуальное и моральное влияние отца – сильной личности – было для Сальвадора, художника и мыслителя, необычайно важно и столь же трудно.

Дали-и-Куси пользовался большим уважением в городе, был честным, справедливым человеком приятной, располагающей наружности. На портрете кисти сына (1920–1921) он изображен суровым, грузным, буржуазного (старомодного?) облика на фоне залива, города и неба с облаками, подобными языкам пламени. Его тяжелая рука держит трубку, а на кисти какие-то грязно-синие пятна.

В те же годы Сальвадор написал портреты матери, тетушки, юноши, мужчины, и ни в одном из них не проявляется тяжелое тревожное чувство, возникающее при взгляде на портрет отца. Картина «Бабушка Ана за шитьем» и вовсе полна умиротворения и нежности.

«Не знаю, – писал он, – ничего прекраснее, чем восхитительно морщинистые лица моей кормилицы Лусии и бабушки, двух чистеньких белоголовых старушек. Лусия – огромная, похожая на римского папу. И бабушка – махонький белый клубочек. Старость изначально пробуждала во мне благоговение. Да разве могло сравниться с этими старушками, феями из сказки, какое-нибудь юное существо! С этой пергаментной кожей, хранящей письмена целой жизни, – румяные, гладкие, пышущие неведением щеки моих однокашников, которые позабыли, что однажды уже пережили старость в материнской утробе. Старики же в отличие от них помнят, что были молоды, и долго – всю жизнь – заново учатся старости».

Благоговение перед прожитыми жизнями – великолепно. Его любовь к двум старушкам ответная, благодарная за их любовь и ласку. Об отце ничего подобного он не писал.

Фрейдист тут же припомнит комплекс Эдипа – с тайной страстью к матери и ревностью, доходящей до смертельной вражды, к отцу. Проще предположить иное, отвлекаясь от надуманных патологий. В отличие от изнеживающего, ослабляющего у ребенка характер, интеллект и волю (кроме упорства в капризах) влияния любящих женщин, отец олицетворял силу, сдержанность, твердость характера.

На портрете снизу и сзади него – фигурка девочки или мальчика в красном балахоне. Она устремлена прочь от отца, словно стремясь вырваться из-под его влияния. Этот образ, так же как огненные сполохи на небе, выражают движение, изменчивость, отчасти эфемерность. Фигура отца, напротив, устойчива, непоколебима, облачена в темный строгий костюм.

Трудно сказать, сознательно ли молодой художник создал такую композицию. Если интуитивно, то проявил и скрытые от самого себя мысли и чувства о взаимоотношениях с отцом. Враждебности в портрете нет.

Облик отца напоминает позднего Наполеона. Как тут не вспомнить, что в детстве будущий художник мечтал стать именно Наполеоном. И на незавершенном портрете отца и сестры (1925) художник вольно или невольно подчеркнул сходство отца с Наполеоном – в действительности весьма отдаленное, – его суровый взгляд и тяжелую длань.

Только отец мог сурово наказать избалованного сына. Но это не ослабляло, а, пожалуй, усиливало сыновью любовь и стремление к вниманию и заботе со стороны отца. Сальвадор вспоминает:

«Мне было тогда шесть лет. В гостиной шел разговор о комете (комета Галлея появилась в 1910 году), которую все намеревались наблюдать, когда стемнеет, если, конечно, небо не затянут тучи. Кто-то сказал, что комета может задеть землю хвостом и наступит конец света.

И хотя в ответ почти все иронически заулыбались, я ощутил, как во мне поднимается страх. В ту же минуту на пороге появился служащий отцовской конторы и объявил, что комету прекрасно видно с верхней террасы. Все ринулись к лестнице, я же, парализованный ужасом, так и остался сидеть на полу. Потом, собравшись с силами, встал и очертя голову побежал на террасу и уже у самой двери увидел свою трехлетнюю (ей было два года. – Р. Б.) сестренку – она степенно, на четвереньках двигалась за гостями. Я остановился и после секундного замешательства ударил ее ногой по голове – как по мячу. И, подхваченный бредовым ликованием, которым преисполнило меня это злодеяние, кинулся было на террасу. Но отец, оказывается, шел позади – он схватил меня, поволок в кабинет, запер там и не выпускал до самого ужина.

Я не видел кометы. Мне не дали посмотреть на нее – эта рана не зажила до сих пор. Запертый, я орал так громко и долго, что совершенно потерял голос. Родители перепугались. Заметив это, я пополнил диким ором свой арсенал и с тех пор орал дурным голосом по любому случаю. Расскажу еще об одной уловке. Я подавился рыбьей костью, и отец – не в силах выносить это зрелище – схватился за голову и выбежал в коридор. Впоследствии я не раз симулировал судороги, кашель и хрип затем только, чтобы увидеть, как отец схватится за голову и кинется прочь, я же наслажусь столь желанным знаком исключительного внимания к своей персоне».

Со стороны женщин исключительное внимание к нему было обеспечено изначально. Но ему хотелось значительно большего – отцовской любви. В 1952 году Сальвадор писал: «Отец был для меня человеком, которым я не только больше всего восхищался, но и которому более всего подражал, что, впрочем, не мешало мне причинять ему многочисленные страдания».

Пожалуй, так он поступал именно из-за своего восхищения отцом, желанием привлечь его внимание, почувствовать его любовь к себе, стать таким, как он. Но в то же время надо было оставаться самим собой, отстаивать свои желания и капризы.

Говоря о постоянном стремлении «доказать самому себе, что существую, что я – это я, а не покойный брат», художник не хотел признаться в мощном влиянии «высшего авторитета» – отца. Ссылка на покойного брата, которого знал только понаслышке, призвана была, пожалуй, добавить мистические мотивы в характер собственной персоны (не только для слушателей, но и для самого себя). Тем более что у него в молодые годы произошел резкий разрыв с отцом и сестрой.

...Сторонники привлекательного, романтического и нелепого мифа о врожденной гениальности не дадут никаких разумных объяснений тому, что Сальвадору Дали удалось преодолеть силу семейного воспитания и стать выдающейся личностью. Чего проще – дар Божий (в которого Дали не верил) или Природы (которую он чтит, но не стремился познавать). Это в действительности отказ от объяснения, отсутствие желания обдумывать всерьез непростую проблему.

Место рождения гения

Астрологи гадают о судьбе человека по месту, дате, часе, а то и минутам его рождения. Над этой верой потешался еще блаженный Августин, да и до него – философы Античности. Но место рождения и детства безусловно влияет на формирование личности ребенка.

Те, кто провел детство в больших городах, обретают определенные более или менее стандартные черты (особенно во второй половине XX века). Для Сальвадора Дали родные места детства вошли в его творчество так, словно он почти всю свою жизнь оставался здесь.

Жан-Луи Гайеман пишет: «Эта каталонская семья происходила из Барселоны или из окрестностей Фигераса, крупного сельскохозяйственного пригорода, расположенного в богатой долине Ампурдан.

Быть каталонцем – значит бороться за автономию своего края, за право пользоваться каталонским языком, но чувствовать себя интернационалистом благодаря Барселоне, крупному портовому городу, куда прибывали кубинские богатства, основными владельцами которых были каталонцы. Быть каталонцем – значит (как в семье Дали) свободно мыслить и исповедовать антиклерикализм, окрашенный социализмом...

Семейство Дали живет в Фигерасе, у подножия Пиренеев, недалеко от французской границы. В базарные дни пригород заполняют крестьяне из окрестных сел, а по воскресеньям по всей округе разносится мелодия «Кабальеро рустикана». Зимние каникулы – это предлог посетить барселонскую родину, в том числе дядю Доменеча в его книжной лавке, и прогуляться по фантастическому парку Гуэль...

Летом семья собирается в Кадакесе, труднодоступном порту, расположенном на полуострове. Когда-то это был край виноделов. После того как его опустошила филлоксера (виноградная тля), он с большими мучениями освоил рыболовство.

...Террасы, когда-то устроенные для виноградников, выразительно подчеркивали бесплодные склоны окружающих холмов. Чтобы завершить свою достопримечательность, мыс Креус, крайняя восточная точка Испании, сформировался из слюдяных сланцев, изрезанных северными ветрами. Это наложило на него отпечаток “грандиозного геологического бреда”, по определению самого Дали, который был очарован этими полиморфными чудовищами, напоминавшими ему то петуха, то верблюда, то наковальню, а то и женскую грудь».

Будущий художник в детстве вряд ли был очарован причудливым обликом скал. Такое отстраненное чувство природы для детей не характерно. Они воспринимают ее именно как родное, как данность – подобно родителям. Творения природы врезаются в память и способны пробуждать воображение. Но это происходит без обдумывания впечатлений. В юности Сальвадор писал портреты и жанровые сцены, а не причудливые скалы.

В картине «Венера и амурчики» (1925) присутствуют горы. Но их изломы и резкие грани показаны для контраста: преобладают водная гладь и мягкие теплые тела женщины и детей. Позже у Дали природа никогда не была самоцелью; пейзажи как таковые были ему чужды.

Это, конечно же, не означает, что он не обращал внимания на грандиозную и загадочную грацию скал. В тридцать шесть лет он писал: «Скалы мыса Креус – вот запечатленная суть метаморфозы. Ты видишь орла, верблюда, петуха, льва, женщину, но стоит чуть изменить угол зрения – и все меняется, с каждым шагом... Меняется непрерывно, а ведь это скала – застывший голый камень!

Поразительно схож с этими скалами мой дух, моя мысль, вечно углубленная в себя – в меня самого, несокрушимая, как бриллиант... И сила моя и умение совладать с миром рождены той землей, что выпестовала меня, тем пейзажем, единственным во Вселенной... Я убежден, что я сам и есть эта земля, я – скала мыса Креус, переменчивая и вечная. А пески

и туманы, которые я напускаю по временам, служат моим гранитным тайнам живописным покровом... Здесь, на самом краю каталонской земли, сливаются два потока: глубинный, взметенный волной из морских бездн, и внешний – пролитый на нашу землю с небес. Здесь на этом перекрестье, в средоточии тайны и родилась моя паранойя».

Он гордо провозгласил: «Я плоть от плоти каталонской земли».

Возникает образ Антея, припадающего к матери Земле для возрождения своей силы. Но это у Дали – литература, отчасти философия. Напрасно мы будем искать проявления этих мыслей и чувств в его картинах. Там часто увидишь пляжи, скалы, море, горы, но лишь как фон или элемент композиций, а не проявление величественных природных стихий.

Да, конечно, это же не натурализм, а сюрреализм, запечатленные образы не только сознания, но и бессознательного, проявления духовного бытия и т. п. Но ведь не уродился же Дали таким. В детстве и юности он и не слыхивал о подобных причудах. Его первые самостоятельные работы тоже не демонстрируют стремление отразить величие и красоту родной природы.

Жан-Луи Гайеман привел одну из картин юного Сальвадора с таким комментарием: «Этот вид на пляж Поал был написан Дали в 1920 году. Кадакес, расположенный в центре полуострова, отрезан от материка ущельем, но выходит к Средиземному морю множеством бухт. В поисках вдохновения Дали будет всю свою жизнь возвращаться к этому пейзажу, который воплотил его первые эстетические переживания и душевный трепет... Стены террас, устроенных когда-то для виноградников, образуют неправильной формы уступы, отчего кажется, что вся гора величаво спускается к морю. Этот архитектурный аспект будет “объективно” воплощен художником в 1925 году. В 30-е годы пейзаж с нагромождением скал будит воображение Дали, как некогда и Гауди, черпавшего здесь формы своего Саграда Фамилия. Мыс Креус сформирован из мягких скальных пород фантастической формы. Одна из скал, похожая на лицо, опирающееся на свой нос, подскажет Дали ключевой образ его мифологии: “Великого Мастурбатора”».

Вряд ли была такая подсказка, хотя очертания одной из выветренных глыб этого мыса отдаленно напоминают упомянутый профиль. Это еще ни о чем не говорит. Для Сальвадора Дали не столько объекты вокруг него, сколько воображаемые образы служили материалом для творчества. Он сознательно или интуитивно избегал непосредственных зарисовок с натуры. В юности склонялся к импрессионизму. Затем пробовал творить в разных стилях, но природа как таковая его всерьез не интересовала.

На картине, упомянутой Жан-Луи Гайеманом, на переднем плане лодка и стена дома, а на другой стороне залива – на склоне холма – плоскости городских строений, освещенные солнцем. Эту прекрасную по колориту работу воспринимаешь вовсе не как изображение каменных террас, «величаво спускающихся к морю». Волшебный город детства – так можно назвать эту картину.

Наконец, немного о родине Сальвадора Дали.

Он был рожден в Каталонии – приморской области на северо-востоке Испании. Здесь отроги горного массива Пиренеев спускаются в море. В этих местах более двух тысячелетий назад обитали племена иберов, побывали финикийцы и критяне, римляне, варвары, арабы... Конкретных предков современных каталонцев (как, впрочем, едва ли не всех более или менее цивилизованных народов) назвать невозможно.

Смешение племен и народов – приносящее пользу в генетическом аспекте – не мешало каталонцам с давних пор бороться за свою самобытность и свободу (в октябре 1934 года была даже провозглашена Каталонская республика, просуществовавшая лишь два дня). Среди них было немало «вольнодумцев», атеистов и республиканцев, к которым принадлежал и отец художника, почтенный нотариус дон Сальвадор Дали-и-Куси. Вольнодумцем был и его сын.

Как признавался Сальвадор Дали, «из-за отца многие мои первые порывы оказались обречены. Это был человек устоявшихся, довольно старомодных взглядов, который совершенно не хотел, чтобы я становился художником. В конце концов я избавился от его влияния и заменил в глубинах моей души образ отца образом кузнечика».

В действительности отец не препятствовал его желанию стать художником; напротив, помогал ему (не на свои же деньги покупал Сальвадор краски, кисти, учился рисовать). Старомодными взгляды отца тоже не были. Иное дело – представления о поведении сына. Главная причина напраслины, возведенной на отца: Сальвадор мучительно стремился избавиться от его влияния.

Память детства

Предоставим слово главным образом Сальвадору и его сестре. Это – документы, как говорится, из первых рук. Вряд ли есть смысл пересказывать то, что он о себе написал (и отредактировала при переводе Наталья Малиновская: он не слишком заботился о чистоте стиля и порой переходил на каталонское наречие).

Важно не только то, что из детских впечатлений обращают внимание, но и то, как написано. Правда, не всегда разберешь, где у Сальвадора ирония, где нарочитый эпатаж, а где откровенные признания. Хотя в любом случае он остается самим собой.

«В шесть лет я хотел стать кухаркой, в семь – Наполеоном. С тех пор мои амбиции неуклонно росли.

Стендаль, не помню где, рассказывает об итальянской герцогине, которая, лакомясь в жаркий закатный час мороженым, горестно восклицала: “Как жаль, что в том нет греха!” Для меня в семь лет пробраться на кухню, схватить что-нибудь и съесть было величайшим грехом. Ни под каким видом мне не позволяли заходить на кухню... И я, пуская слюни, часами выжидал удобный момент. Но наступал вожделенный миг, я проникал в заповедное царство и на глазах у визжащей от восторга прислуги хватал кусок сырого мяса или жареный гриб и, давясь, млел от наслаждения – ничто не сравнится с тем волшебным, пьянящим привкусом вины и страха!

То был единственный запрет – все прочее мне дозволялось. Так, до восьми лет я мочился в постель исключительно потому, что находил в этом удовольствие. В родительском доме я установил абсолютную монархию. Все готовы были служить мне. Родители боготворили меня.

Однажды на праздник Поклонения Волхвов в куче подарков я обнаружил королевское облачение: сияющую золотом корону с большими топазами и горностаевую мантию. С тех пор я не расстаюсь с этим одеянием. Сколько раз я, изгнанный из кухни, так и стоял во тьме коридора, не в силах пошевелиться: с плеч моих ниспадала королевская мантия, одной рукой я сжимал державу, другой – скипетр, душа же моя кипела гневом – о, если б я мог растерзать обидчиц моих, служанок!»

Он бывал не только обидчивым, но и злобным. Вспомним, как он ударил сестренку ногой по голове по самому пустячному поводу. Был и другой случай.

«Как-то мои родители позвали врача проколоть уши сестренке. Во мне с тех пор, как я ее ударил, пробудилась острая болезненная нежность, и, узнав, что ей будут прокалывать уши, я решил, что не допущу этого зверства ни за что.

Врач расположился у стола, надел очки, взял иголку – и тут я напал на него. Веником изо всех сил я колотил его по лицу. Очки упали, разбились, старик закричал от боли, и только появление отца положило конец расправе.

– Как он мог! За что? Я же его люблю! – всхлипывая, повторял старик, припадая к отцовской груди, и голос его дрожал, как соловьиная трель. С тех пор я не упускал случая заболеть хотя бы ради удовольствия повидаться со старичком, которого довел до слез».

Младшая его сестра Ана Мария признавалась: «Я так и не нашла нужных слов, чтоб описать характер Сальвадора – яростный и затаенный, чувствительный до крайности и буйный, настырный. Нрав его выносили с трудом, но все в доме его любили, потому что было за что, а капризы и прочие вредности приходилось терпеть – не они же, в конце концов, определяют натуру!»

Нет, детские капризы сказываются на формировании характера. Хотя многое зависит от окружающих и личности растущего ребенка. Сальвадор был упрям, и в своих капризах

доходил до крайности, устраивая истерики. Он постоянно требовал внимания и любви к себе, порой заставляя мать полночи сидеть с ним на коленях.

«Опишу одну из его выходок, – вспоминала Ана Мария. – Ею ознаменовалась наша поездка в Барселону. Ежегодно мы проводили Рождество, Новый год и праздник Трех Королей в Барселоне, в доме дяди – Жозепа М. Серраклары (в ту пору он был алькальдом Барселоны). Точнее говоря, мы навещали бабушку по отцовской линии. Ее звали Тереса...

Дело было в Барселоне на Рождество. В праздники брат вообще непременно устраивал сцены – кричал, плакал, закатывал истерики. Чтоб успокоить, его задаривали немислимым количеством игрушек. Он же, облюбовав какую-нибудь вещьцу, уже с нею не расставался. Помню, как-то... одарили нас сверх всякой меры: чего только там не было, целая куча подарков! Но Сальвадор, как вцепился в одну игрушку, так больше ни на что и не взглянул. Как же он носился с этой заводной обезьянкой, что лазила вверх-вниз по веревочке!

Именно тогда, в эпоху обезьянки, он и закатил ту памятную сцену. Дело было на прогулке – мама вела Сальвадора за руку... Вдруг брат увидел в витрине кондитерской Массаны сахарную косу, сплетенную словно бы из лука, традиционное зимнее лакомство. Увидел – и возжелал. Кондитерская была закрыта, и Сальвадор недовольно заворчал. Дурной знак – так всегда начинается сцена! Однако мама, будто бы ничего не замечая, ведет его дальше, но брат вырывается, сломя голову несется назад к кондитерской и начинает орать благим матом:

– Хочу лука! Хочу лука! Хочу лука!

Уж и не знаю, какими силами удалось маме оторвать его от витрины.

Чуть не волоком тащила она его по тротуару, брат же орал, не переставая, да так, словно его резали:

– Хо-о-о-очу лу-у-у-у-ука!

И, вопя, вырывался и несся назад к витрине.

Тем временем заветная луковая коса, и вправду похожая на русую девичью косу, по-прежнему недосягаемая и желанная, преспокойно висела на своем месте.

– Хо-о-о-чу лу-у-у-у-ука!

Прохожие стали останавливаться, зеваки – глазеть, и вскоре собралась такая толпа, что уличное движение прекратилось. Однако дверь кондитерской была заперта, и удовлетворить каприз сына мама не могла при всем желании. Но она твердо решила не потакать ему и не покупать вожделенное лакомство ни за что, хоть бы дверь и распахнулась».

Его капризам даже мать потакала далеко не всегда. И все-таки он упорно продолжал доказывать свое право на «хочу!». Вряд ли это как-либо существенно повлияло на его творчество, но на его поведении в последующие годы, безусловно, сказалось. Он научился привлекать к себе внимание неожиданными выходками, не смущаясь присутствием зрителей или даже еще более возбуждаясь при этом.

Проявились ли тогда его таланты? Ана Мария вспомнила такой эпизод: «В один из вечеров произошло нечто, изумившее всю семью. Отец за оформление каких-то бумаг получил крупную сумму, всю одинаковыми купюрами. Он уже знал, что одна попалась фальшивая, и спросил Сальвадора:

– Сумеешь отличить?

Брат, нисколько не сомневаясь в успехе, взял деньги, осмотрел их, купюру за купюрой, безошибочно выбрал фальшивую, положил на стол и спокойно сказал:

– Вот эта.

Все поразились – ведь подделка была на редкость искусной. И только потом, когда у Сальвадора обнаружились необычайные способности к рисованию, поняли, что ему ничего не стоило углядеть мелкие погрешности в рисунке фальшивой купюры».

Не знаю, насколько были поражены домочадцы, однако не вижу ничего удивительного в подобной зоркости ребенка. Сумел же отец распознать фальшивку, хотя никакой склон-

ности к живописи вроде бы не проявлял. А у детей наблюдательность развита достаточно хорошо.

Вообще, авторы воспоминаний о детстве и юности выдающихся людей невольно исходят из того, что данному молодому человеку суждено стать тем, кем он стал. Можно сказать, идет подгонка под готовый ответ.

«Когда у нас в Фигерасе в Замке устраивали праздник, – продолжает Ана Мария, – отец всегда порывался взять с собой Сальвадора. К Замку вела прямая дорога, обсаженная соснами, и вид с нее открывался великолепный – вся Ампурданская долина как на ладони... Отец брал Сальвадора за руку, и полпути они проходили совершенно спокойно, но, когда дорога поворачивала в гору, являя взорам замковую башню с развевающимся красно-желтым знаменем, Сальвадор начинал ныть, потом орать:

– Хо-о-очу зна-а-а-амя-я-я-я!

И отец с полдороги тащил его домой – праздник в Замке смотрели другие.

Но все же однажды удалось привести Сальвадора на праздник и обойтись без воплей. Всю дорогу отец рассказывал ему какую-то занимательную историю. (Тогда-то родители и поняли, что брату нельзя говорить «нет», можно только отвлечь каким-нибудь хитрым способом.) Заслушавшись, он в тот раз и не поглядел на знамя, которое, как и полагалось, победно развевалось на башне».

Характерная черта воспоминаний сестры: много внимания уделено капризам Сальвадора, который был уже вовсе не малышом. Он рос эгоистом, подчас остервенелым. Вот один из примеров:

«По воскресеньям мы с родителями и Лусией обычно гуляли и часто ходили прямо по железнодорожным шпалам. Лусия надевала платок, закалывая его повыше пучка шпильками, а брат так и норовил платок сдернуть. Отец строго говорил:

– Прекрати! Уколешься!

Но это только сильнее раздражало брата – как бы все-таки сдернуть платок, да вместе со всеми шпильками и булавками! Однако платок держался крепко, хотя шпильки царапались, и Лусия от боли громко стенала. Отец пытался оттащить Сальвадора – но куда там! Мама оттаскивала отца, и в итоге прямо на дороге разыгрывался грандиозный скандал: кричали все разом, истошно и самозабвенно.

Лусия кричала, потому что ей было больно. Отец – потому что сын ему не повиновался. Сальвадор – потому что хотелось сорвать платок, а не получалось. Кричала даже мама – потому что боялась, что за скандалом они не увидят поезда и попадут под колеса.

Итак, прогулка испорчена. Все еще переругиваясь, семья возвращается домой. Надо сказать, Сальвадор питал особенное пристрастие к забаве с платком и при виде его каждый раз впадал в неистовство. Все в доме мучительно искали способ прекратить безобразие, но безуспешно, пока случайно не обнаружилось, что брата можно отвлечь – только ни в коем случае не ругать и не запрещать! Можно постараться переключить его внимание, и тогда он (может быть!) забудет, что собирался закатить истерику».

Вновь повторю: детство Сальвадора Дали складывалось так, чтобы сделать из него никчемного, разбалованного, слабовольного и разболтанного человека, невротика, которых во множестве производит буржуазное общество. Как же смог пробудиться и пробиться на свет, подобно ростку из-под дорожной брусчатки, талант художника? Ведь для этого требуются упорная учеба и напряженный труд.

Сказалось влияние отца. Он воспитывал в детях уважение к научным знаниям, познанию природы. «Поздними летними вечерами, – вспоминала Ана Мария, – отец иногда давал нам уроки астрономии. В мощный бинокль мы разглядывали небо – созвездия были совсем близко... Эти августовские ночи – одно из самых драгоценных воспоминаний моего детства».

Другой надежной опорой для становления таланта Сальвадора Дали стало... самолюбие. Это чувство проявляется по-разному, в зависимости от темперамента и умственного уровня человека. Если оно не переходит в самодовольство, упоение собой таким, как есть, а заставляет преодолевать трудности и свои недостатки, такое чувство помогает формировать личность незаурядную.

«Брат, – писала Ана Мария, – можно сказать, с пеленок говорил, что хочет стать Наполеоном. И вот однажды, когда взрослые решили показать нам часовню Святого Себастьяна, Сальвадор уже на полдороге выбился из сил. Тогда тетушка смастерила из бумаги треуголку, надела ему на голову и сказала:

– Ты же Наполеон!

И брат немедленно воспрянул духом. Он схватил палку, оседлал ее и понесся вверх по горной круче, напрямик к часовне. А тетя, зная, что его все же одолевает усталость, стала выстукивать по деревяшке барабанную дробь, и этого оказалось достаточно. Сальвадор пришпорил коня, то есть тоненькую свою палку, и пустился вскачь, хотя просто валился с ног. Словно крылатый Пегас, конь его могучего воображения домчал брата до самой вершины – до часовни».

«Детские воспоминания о том, чего не было»

Так назвал Сальвадор Дали подглавку автобиографии «Тайная жизнь...». Трудно сказать, почему он решил считать, что рассказанного им не было. Например, такой эпизод:

«Когда мне исполнилось семь лет, отец решил отвести меня в школу. Я сопротивлялся изо всех сил – ему пришлось тащить меня волоком до самой школы, я же вырывался, вопил и закатывал такую истерику, что на всем пути следования нас сопровождали толпы любопытных».

Это подтверждает сестра: «В ту пору брат ежедневно закатывал сцены – он категорически отказывался ходить в школу сеньора Трайта, обычную муниципальную школу, где, как и везде в правление Альфонса XIII, старательно преподавали катехизис. Уже одно только слово “школа” наполняло его диким ужасом, немедленно изливавшимся воплем».

В принципе не так уж важна степень достоверности. Важно то, что Дали решил об этом сообщить. И нам есть смысл пересказать его воспоминания. Когда его определили в школу, он умел читать и писать свое имя, а окончив первый класс, к изумлению родителей, разучился тому и другому.

По его словам, этим достижением он полностью обязан учителю Эстебану Трайту, «который являлся в школу исключительно затем, чтобы спать... Свою длинную бороду, достававшую до колен, когда он садился, сеньор Трайта расчесывал на пробор и делил на две симметричные, в потеках седины пряди. Чистый тон слоновой кости на концах прядей сменялся грязно-бурым с отливом в желтизну, как ноготь заядлого курильщика или клавиша старого рояля (хотя рояли вроде бы не курят).

Впрочем, сеньор Трайт тоже не курил – это мешало бы ему спать.

В лице учителя было что-то толстовское с примесью Леонардо – поэтические мечты туманили его яркие голубые глаза. Одевался он как попало, от него дурно пахло, и в довершение всего он иногда появлялся в цилиндре, что поражало воображение (то был единственный цилиндр на всю округу). Но сеньор Трайта, которого у нас по неведомым причинам почитали за великий ум, мог позволить себе всё».

Необычайный облик и странное поведение учителя до глубины души потрясли Сальвадора. Он понял: вовсе не обязательно быть, как отец, строго одетым и учитывать то, что о тебе подумают другие. Оказывается, когда человек ведет себя не так, как все, от этого он выигрывает в глазах окружающих.

У Трайта было увлечение стариной. По воскресеньям он обычно отправлялся на промысел и возвращался с добычей: его повозка была заполнена обломками церковных рельефов, украшенных резьбой оконных рам, статуй святых. Что-то он покупал или находил на свалках, а кое-что «изымал» из заброшенных часовен. Все это он свозил в башню, которую выстроил в пригороде. Эта коллекция, так же как ее собиратель, тоже крепко врезалась в память Сальвадору.

Почему его отдали в школу для бедных? «Для моего отца, вольнодумца, – пояснил Дали, – выбор школы был вопросом принципа. Он не желал отдавать меня ни в одну из монастырских школ, где обучались обычно дети нашего круга (напомню, что отец мой, местный нотариус, принадлежал к самым уважаемым людям Фигераса). Итак, он твердо решил отдать меня в муниципальную школу – поступок несуразнейший и лишь отчасти объясняемый баснословными дарованиями сеньора Трайта, о педагогических талантах которого ни сам отец, ни его друзья, обучавшие своих отпрысков в иных местах, не имели ни малейшего понятия».

Судя по всему, отец вовсе не уповал на педагогический талант Трайта. Настала пора познакомить ребенка, избалованного в тепличных условиях благополучной семьи, со сверст-

никами-бедняками. Результат был отчасти не такой, на который рассчитывал отец. Сальвадор Дали писал:

«Целый год я проучился вместе с детьми из самых бедных семей, что возымело огромное значение и, полагаю, способствовало росту изначально присущей мне мании величия... Ежедневно я, сын богатых родителей, получал все новые доказательства своей исключительности, своего отличия от всех прочих. Только я один мог вынуть из суконного чехла с собственными инициалами восхитительный термос с горячим шоколадом и молоком. Только мне на всякую царапину накладывали чистейшую повязку, только у меня одного были матроска с вышитым золотой нитью якорем на рукаве и шапочка с помпоном, расшитая звездами. Только меня одного ежеутренне тщательно причесывали и умащивали туалетной водой – не зря же весь класс становился в очередь понюхать мои лелеемые кудри и испытать легкое головокружение. Наконец, только мои ботинки сияли, как зеркало, и вдобавок были украшены серебряными пуговками. И всякий раз, когда пуговка отрывалась, схватить ее тянулось множество рук, и, случалось, дело доходило до драки, ведь большинство моих соучеников даже зимой ходили босиком или в дырявых башмаках...

В довершение всего я – единственный – никогда ни с кем не играл и не разговаривал. Одноклассники явственно ощущали гнет моей уникальности и, робея, приближались разве что затем, чтобы получше разглядеть кружевную оторочку платка, высунутого из кармашка, или мою бамбуковую трость, увенчанную серебряным набалдашником в виде собачьей морды...

Один, посреди бешеного круговорота вопящих мальчишек, я не понимал, что происходит. Они резвились: дрались, играли, хохотали до слез, орали дурными голосами, гонялись друг за другом, влекомые той темной надличной силой, что правит всякой живой тварью, если это нормальная здоровая особь, и велит ей кидаться на жертву и рвать ее в кровь когтями и зубами. Не будь этой силы, помянутая тварь неминуемо захирела бы и сгинула – вот он, корень жизнеспособности и залог развития. Имя той силе – действие, действие во что бы то ни стало!..

Меня потрясали сноровка и сообразительность этих человечков – откуда они знают, с какого боку братья за гвоздики и молоточки, чтобы починить расколотый красный пенал? Словно их кто-то надоумил. А каких птиц они мастерят из листка бумаги!.. Я могу заблудиться где угодно, даже у себя дома, и не способен сам снять матроску – я пробовал и только чудом не задохнулся. Практическое действие стало моим заклятым врагом, и ужас, который внушали мне обычные вещи, рос день ото дня...

Именно тогда я узнал всемогущую власть сна и воображения; тогда миф вторгся в мою жизнь, проник во все поры обыденности, и с тех самых пор для меня граница между тем, что было, и тем, чего не было, исчезла».

Один учебный год, проведенный в начальной школе для бедных, обогатил духовный мир мальчика и в немалой степени предопределил его творческие устремления – не столько в окружающий мир, сколько в глубины самосознания.

После окончания уроков, на которых учитель не огорчал первоклашек учебным процессом, сеньор Трайт уводил Сальвадора в свой кабинет. Для мальчика он был самым таинственным местом в мире. На книжных полках стояли толстые пыльные фолианты вперемежку с диковинными вещицами.

С потолка свешивалась на шнуре лягушачья шкурка. Сеньор Трайт говорил:

– Я только посмотрю на нее и уже знаю, какая будет погода.

В зависимости от давления и влажности воздуха шкурка меняла позы. И хотя лягушачья шкурка была мальчику противна, он смотрел на нее как зачарованный. Но больше всего поразила его, приводя в экстаз, квадратная коробка с оптическими иллюзиями. В ней среди странных видений увидел он русскую девочку и тотчас влюбился в нее: «Мою рус-

скую девочку, укутанную в белый мех, куда-то уносила тройка – почти чудом моя девочка спасалась от стаи свирепых волков с горящими глазами. Она глядела на меня, не отводя взора, и столько гордости было в ее лице, что сердце мое сжималось от восхищения».

Вспоминая это видение, он решил, что было предопределение: перед ним предстала его будущая жена Гала. «В театрике сеньора Трайта я увидел Россию, и меня заворожили призраки ее сияющих куполов и снежные горностаевые поля, отливавшие всеми огнями Востока. Эта дальняя белая страна как нельзя лучше отвечала моей патологической страсти ко всему совершенно необычайному».

Тогда же у них впервые выпал снег и запорошил – словно заворожил – привычные картины родного города и долины.

А в классной комнате над грязными стенами, на высоком сводчатом потолке проступали от сырости темные пятна. Сальвадор вглядывался в их прихотливые очертания и угадывал то один, то другой образ – дерево, цветок, фантастическое животное, профиль человека... «Эти превращения стали одним из краеугольных камней моей эстетики».

Кроме России, Галюшки, кормилицы, пустынного берега моря, в его память врезалась сцена: «Бьется в агонии конь, рухнувший прямо во время парада, – я едва успел отскочить и все еще боюсь, что, дергаясь, он ударит меня золоченой подковой. Прут от повозки пропорол ему бок, и кровь хлещет фонтаном, забрызгивая все вокруг».

Двое солдат кидаются к коню. Один поднимает ему голову, а другой выхватывает нож и, примерившись, всаживает коню в лоб лезвие до самой рукоятки.

Конь дергается в последний раз и застывает, воздевая в последнем усилии уже не гнущую ногу к небу, усеянному звездами.

На земле огромной птицей, распластавшей крылья, растекается кровавое пятно».

...Если маленький Дали разучился в первом классе начальной школы читать и писать свое имя – утрата невелика и легко восполнима. Большое ли достижение, что он уверовал в свою особенность, величие и решительное отличие от сверстников из бедных семей? Он и без того был преисполнен чувства собственного достоинства.

Было ли на самом деле столь простым его чувство превосходства? Вряд ли. Ведь маленькие оборванцы превосходили его кое в чем весьма важным. Ему стало ясно: он – другой, не такой, как многие, и это различие надо поддерживать, подчеркивать, чтобы на тебя обращали внимание, с тобой считались и тобой восхищались (к чему он привык с младенчества).

И все-таки нечто чрезвычайно полезное обрел он во время недолгого пребывания в этой школе. Трайт своим экстравагантным обликом и чудачествами удивил, а возможно, и восхитил маленького Сальвадора, как антипод отца. Открылся путь избавления от отцовского авторитета.

Но более важно, что Трайт пробуждал у Сальвадора изумление перед миром не только видимым, но и мнимым. Мальчик ощутил чудо воображения, свободного полета фантазии.

«Детские воспоминания о том, что было»

Данное заглавие также заимствовано у Дали. Чем эти воспоминания отличаются от предыдущих, понять трудно. Если даже чего-то и не было, оно возникло по его воле, придумано им – тогда или позже. Значит, для автора это важно, существенно и для него существует.

В 1916 году Дали отдали в местный коллеж при монастыре братства Пресвятой Девы. Отец желал приобщать сына к католической церкви. Однако настала пора приобретать знания, а в школе Трайта это было по меньшей мере затруднительно. Строгая дисциплина в монастырском училище должна была сказаться на воспитании избалованного в семье мальчика, приучая его к порядку, послушанию, смирению.

Подобные надежды оправдались лишь отчасти. К тому времени личность ребенка уже в значительной мере сформировалась. Он рос эгоистом и мечтателем – отличное сочетание для того, чтобы в конце концов появился очередной невротик, не способный противостоять первым же серьезным столкновениям с суровой действительностью, не способный к упорному труду, обвиняющий всех и вся в своих неудачах.

Он вовсе не был из числа тех, кого считают необычайно одаренными детьми, «вундеркиндами», ныне «индиго». Но у него сохранялось чувство собственного достоинства, переходящее, можно сказать, в своеобразный «комплекс полноценности». Не имея на то веских оснований, он считал себя не таким, как другие.

Можно возразить: каждый из нас – неповторимая индивидуальность.

Так, да не совсем. Вопрос и в качестве, и в количестве самобытности. Каждый сходящий с конвейера автомобиль кое в чем неповторим. Это относится к атомно-молекулярному составу материалов, качеству отделки, к некоторым дефектам, порой различимым лишь в микроскоп.

С этих позиций их можно считать индивидуальностями. Но мелкие характерные черты не имеют принципиального значения. Стандартные изделия отличаются только дефектами от своих идеальных моделей.

Сходная ситуация и при сопоставлении личностей. В аспекте биологическом все здоровые люди более или менее одинаковы. А вот устремления, образ жизни, идеалы и свершения могут отличаться принципиально. В особенности когда речь идет об интеллектуальных, творческих способностях. Они определяются не отличной учебой, не успехами в детстве и юности, а только по достижениям за всю жизнь, по свершениям, выделяющим человека из массы всех прочих.

«По делам их узнаете их», – говорил Иисус Христос. Что создал человек? К чему стремится? Какие ценности для него главные: материальные или духовные?

Вот воспоминания Дали о пребывании в коллеже, где его менее всего интересовала учеба. Он предпочитал смотреть в окно, которое раскрывали вечером, на два кипариса во дворе: «Все прочее для меня переставало существовать: я следил за игрой бликов в ветвях и сумрачным прямоугольником тени от монастыря, которая все росла, росла и в конце концов добиралась до деревьев. Уже догорая, закат на какой-то миг озарял острую вершину кипариса – того, что справа, – багряным винным пламенем, а второй кипарис, уже неразличимый, тонул во тьме. И почти сразу же колокольный звон напоминал о вечерней молитве – весь класс вставал, и, склонив головы и сложив руки, мы вторили отцу настоятелю.

Те кипарисы, что весь вечер горели, как два языка темного пламени, стали моими часами – не будь их, в монотонности школьной жизни я не ощутил бы хода времени... Отцы-наставники с изрядным пылом... возвращали меня к действительности, гоня прочь мои благословенные грезы. Но мой сновидческий дар лишь укреплялся. Ничто не трогало и не зани-

мало меня, кроме моих видений, и оттого что реальный мир угрожал им, я цеплялся за них изо всех сил, как утопающий за спасительный плот...

Сразу после молитвы, когда в окне повисала темень, в коридоре зажигали лампу, освещая путь из классной комнаты, а заодно – стены, увешанные литографиями. Оттуда, где я сидел, сквозь стеклянную дверь можно было разглядеть только две: одна изображала лисицу у пещеры, с придушенным петухом в зубах, вторая оказалась репродукцией “Вечернего звона” Милле. Эта картина всегда отзывалась во мне смутной острой тоской – две ее недвижимые фигуры раз и навсегда врезались мне в память, растревожив своим скрытым смыслом мое воображение. Но не только тоска и тревога – меня осенила тайная благодать, исходящая от картины; серебряным сиянием клинка в лунном луче эта светлая нота реяла над моим смятением».

Можно лишь удивляться, насколько прочно сохранились впечатления детства у Сальвадора Дали. Такова одна из важных составляющих таланта – дорожить памятью детства, формировать свою личность, имея надежную духовную опору в себе самом.

Но эта опора может обернуться мышеловкой. Она захлопнется, если человек замкнется в себе. Слишком многие не смогли избежать такой опасности. Был философ – Макс Штирнер, выразивший и упоение самим собой и на личном опыте доказавший печальные последствия этого мировоззрения. Впрочем, об этом есть смысл поговорить позже более обстоятельно.

Был ли Сальвадор Дали ребенком, обладавшим каким-то необычайным даром, выдающимися способностями? Не больше, чем почти любой ребенок. Или даже – чуть меньше. Он вспоминал:

«Как-то раз за завтраком отец вслух прочел адресованное ему письмо из коллеги, извещавшее родителей о моем беспримерном прилежании и отменном поведении. В письме говорилось, что на переменах я сторонюсь товарищей и не принимаю участия в шумных играх, а стою себе в углу, разглядывая картинку с конфетной обертки (я до сих пор помню тот фантик с мученической кончиной Маккавеев). Подводя итог, наставники сообщали, что умственная лень укоренилась во мне так сильно, что надеяться хоть на какие-то успехи в учении просто невозможно.

Тот день моя мать провела в слезах. Надо сказать, что я действительно был обречен остаться на второй год, ибо не выучил и десятой доли того, что в азарте соперничества освоили мои одноклассники, приступом взявшие очередные ступени лестницы, ведущей вверх.

Отчуждение становилось моим знаменем, моей навязчивой идеей. Во славу ее мне даже случалось притворяться, что я не умею того, чему волей-неволей выучился. Так, я нарочно писал как курица лапой, хотя мне ничего не стоило представить образцы каллиграфии, что я и сделал однажды. И тем поверг окружающих в такое изумление, что возжелал и далее следовать по пути притворств и мистификаций. Я занялся созданием своей системы навыков поведения в обществе».

Описание этой системы вызывает изумление: неужели ребенок дошел до такой степени лицемерия и актерства? Он ведь начал притворяться психически ненормальным. А так, заигравшись, недолго и стать таким. Вот как это было:

«Предвидя, что отец настоятель вот-вот вызовет меня к доске, а отвечать, естественно, не хотелось, я вдруг вскакивал с ошалелым видом, вскидывал руки, словно защищаясь, и отшвыривал учебник, который будто бы прилежно изучал уже битый час, и, дрожа как осиновый лист, лез под лавку, спасаясь от невидимой угрозы. Потом, бессильно уронив голову на руки, замирал. Исполнив вышеописанную пантомиму, я обычно получал позволение погулять в саду вместо урока, а по возвращении меня поили пахучим травяным чаем. Родители, узнав о моих псевдоприпадках, просили наставников отнестись ко мне бережнее,

вследствие чего я утвердился в своих привилегиях, и монахи в итоге прекратили попытки научить меня хоть чему-нибудь.

Довольно часто меня водили к врачу – тому самому старику, которому я расколотил очки, мстя за попытку проколоть уши моей сестренке. В ту пору я довольно часто падал в обморок, и безо всякого притворства: достаточно было просто взбежать по лестнице. Столь же часто у меня носом шла кровь, а что до ангин, то с ними я просто сроднился. Болезнь протекала всегда одинаково: высокая температура держалась один день, затем постепенно спадала, и в итоге неделю я проводил у себя в комнате. Я поправлялся не торопясь».

Он боролся за самого себя. По его признанию, над ним «реяло самовластное ощущение всепоглощающего одиночества, которое завладевало моей душой и возносило ее на недостижимую высоту». Болезни позволяли ему оставаться наедине с собой или своими близкими – кормилицей Лусией и бабушкой Анной. (У многих выдающихся людей долгие болезни в детстве способствовали самопознанию.)

С тех пор он испытывал, по его словам, благоговение перед старушками и стариками: «До конца своих дней я останусь тем, кем пребываю изначально, – воплощенной противоположностью Фаусту, его антиподом. С младых ногтей я поклоняюсь старости. С какой охотой я – мальчишка – поменялся бы обликом со стариком! Как страстно хотелось мне постареть – сразу, в мгновение ока! А Фауст? Жалкое существо! Ему открывалась высшая мудрость – старость, а он продал душу за юношеский румянец и младое невежество».

Для Сальвадора католические учебные заведения стали еще одной своеобразной школой жизни, расширили его представления о людях и нравах. Автор книги, посвященной Дали (серия «Галерея гениев»), Н. В. Геташвили отметила: «Из них молодой Дали вышел таким же атеистом, как и отец, однако полностью обученный внешнему ритуальному декоруму католичества (“Катехизис” будущий сюрреалист сдал на “отлично”). И яд лицемерия в существовании “не по правде” (семья и школа) в ранние годы становления личности художника вовсе не следует сбрасывать со счетов в понимании дальнейших событий его творческой биографии».

Придется уточнить. То, что Сальвадор неплохо выучил «Катехизис», свидетельствует о его хорошей памяти, а не о лицемерии. То, что он вышел из католической школы атеистом, показывает основательность его убеждений, нежелание поддаваться внешним влияниям и легко менять свои взгляды.

Глава 2. В поисках самого себя

*Вначале был мятеж,
Мятеж был против Бога,
И Бог был мятежом.
И всё, что есть, началось чрез мятеж.*

Максимилиан Волошин

Бунтарь-одиночка

Эпиграф, приведенный выше, – из философской поэмы «Путями Каина. Трагедия материальной культуры».

В чем суть такого мятежа? В порыве к новому, неведомому, в стремлении преодолеть косность окружающего мира и самого себя, в обретении свободы творчества:

Лишь два пути раскрыты для существ,
Застигнутых в капканах равновесья:
Путь мятежа и путь приспособленья.
Мятеж – безумие; законы
Природы неизменны. Но в борьбе
За правду невозможного безумец —
Пресуществляет самого себя.
А приспособившийся замирает
На пройденной ступени...

Максимилиан Волошин написал это в 1923 году после революционных переворотов в России. Тогда же в Каталонии Сальвадор Дали, сочувственно следивший за событиями в Советской республике, с маниакальным упорством боролся за свою самобытность. Словно для него написал Волошин:

Настало время новых мятежей
И катастроф: падений и безумий.
Благоразумным:
«Возвратитесь в стадо!»
Мятежнику:
«Пересоздай себя!»

Сальвадор Дали отстаивал себя как индивидуальность, противостоя влиянию отца, семьи, Трайта, мальчишек-школяров. Конечно же, он не ставил этой цели. Но его поведение было именно таким:

«В юности все мифы моего детства, все мои мании, вывихи и таланты лишь укрепились – искры гениальности разгорались.

Я не хотел меняться, не хотел исправляться, наоборот – я возвращал свою неповторимую индивидуальность. Я не удовольствовался стоячей водой свойственного мне детского нарциссизма и соорудил целую оросительную систему; мое пылкое и могучее “я” вплотную

подошло к проблеме социального действия, и, раздираемый противоречиями (такова главенствующая моя особенность), я стал анархистом, антиобщественным элементом.

Дитя-король обернулся анархистом. «Наперекор всему и всем!» стало моим девизом и руководством к действию. В детстве я всегда поступал не так, как все, но не задумывался над этим. Теперь же я осознал исключительность своего поведения и стал нарочно поступать против всех ожиданий. Стоило кому-нибудь сказать: «Черное!», как я парировал: «Белое!» Стоило кому-нибудь приподнять приветственно шляпу, и я не упускал случая публично плюнуть и выругаться. Я ощущал себя настолько другим, что всякое случайное совпадение моих действий с чьими-то повергало меня в транс – я мог разрыдаться от ярости. Я не такой, как все! Я – другой, чего бы это мне ни стоило, я не похож ни на кого и ни в чем! Я – единственный! Слышите – один!

Зная с этим девизом развевалось над неприступной сторожевой башней, воздвигнутой моей юностью. Эта крепостная стена и доныне – до старости – хранит в неприкосновенности кровотокающие рубежи моего одиночества».

Он был бунтарем. Но, в отличие от революционеров социальных, оставался бунтарем-одиночкой. Искусствоведы и писатели, замороженные теоретическими фантазиями Зигмунда Фрейда, приписывают Дали психологические комплексы и верят в его параноидальный бред. На мой взгляд, все было проще, реальнее и нормальнее. Как всякий талантливый человек, он боролся за свою индивидуальность в очередном переходном возрасте, прощаясь с детством.

Учеба на вечерних курсах школы рисования открыла Сальвадору направление творческих порывов, проявлений бурного темперамента и укрепления веры в себя. Не менее важно то, что преподаватели ввели его в мир изобразительного искусства. Он смог оценить величие старых мастеров и меру своего неумения рисовать.

Тогда же у него появились друзья, с которыми он организовал рукописный журнал «Студиум», состоящий из четырех разделов: история Каталонии, поэзия, наука и «Великие живописцы», который вел Сальвадор. Ему исполнилось 15 лет, но к искусству он относился с полной серьезностью и, судя по всему, твердо решил стать художником.

Он продолжал отстаивать свою непохожесть от всех прочих самым примитивным способом: внешним видом (как некогда говорили – мелким пижонством). Но в отличие от тех, которых в СССР называли стилягами, он не подражал какой-либо заморской моде, а старался демонстрировать свою принадлежность к художникам: отращивал волосы, повязывал широкий галстук, носил фетровую шляпу с широкими полями.

Но главное, конечно, в другом. Он действительно выделялся из среды сверстников своим упорством в овладении ремеслом рисовальщика и серьезным интересом к истории живописи.

Сам он не дорожил своими очерками, помещенными в «Студиуме». К счастью, их сохранила его сестра Ана Мария. Они демонстрируют, можно сказать, профессиональное отношение к живописи с учетом, конечно, его возраста, а также простой рациональный взгляд на произведение искусства и увлечение импрессионизмом (см. Приложение).

Почему он не счел нужным сохранить эти первые свои литературные работы? По-видимому, из-за проявления в них ученичества. Однако не менее явно показывают они его продуманное отношение к искусству, стремление понять и объяснить особенности старых мастеров.

Позже он резко выступал против «интуитивистов» и абстракционистов, творящих по наитию, выплескивая краски на холст, давая свободу движениям руки, держащей кисть, и т. п. Дали упорно учился и рисовать, и думать. Он видел в великих мастерах не только живописцев, но и мыслителей.

Позже он без ложной скромности признавался: «Особенность моей гениальности состоит в том, что она проистекает от ума». Но только ли у него была такая особенность? Как показывают приведенные выше его юношеские очерки, он рано понял, что всех подлинных великих творцов отличает прежде всего сила разума.

(В эпоху европейского Возрождения многие науки еще не сложились или находились в младенческом состоянии и все выдающиеся художники были исследователями.)

Другая черта его личности проглядывает в очерках: сила впечатлений, полученных в детстве, и верность им на протяжении долгой жизни. Скажем, упомянутую в очерке о Веласкесе картину «Менины» он в 1960 году повторил в собственном варианте, дав ее анализ. Год спустя создал «Твист в мастерской Веласкеса» по тем же мотивам. Копия «Джоконды» Леонардо стояла у него на видном месте, а на одном из автопортретов Дали изобразил себя в ее облике.

Учась у великих мастеров, он старался преодолеть их влияние, так же как стремился противостоять влиянию отца, отстаивая свою личность.

В молодости его удивили и увлекли цветовые поиски и решения импрессионистов. Он счел это направление в живописи новым и оригинальным, еще не зная, что уже появились футуристы, кубисты и прочие авангардисты, расшатывающие напрочь устои классического искусства.

Однако Дали – отдадим ему должное – при всех своих изысках и поисках лишь изредка позволял себе отрицание великого прошлого ради утверждения далеко не великого настоящего. На всю жизнь сохранил он глубочайшее уважение, а то и преклонение перед мастерами былых эпох.

«Только в прошлом, – признавался он, добившись признания и став мировой знаменитостью (отчасти скандально известной), – я вижу гениев, подобных Рафаэлю, – они представляются мне богами... Я знаю, что сделанное мною рядом с ними – крах чистой воды».

Можно считать это кокетством, желанием поразить собеседника своей скромностью на фоне откровенного самовосхваления. Но, по сути, он был прав.

Сторонники новых направлений в искусстве возмущаются: а как же тогда расценивать творения авангардистов, искателей новейших выразительных средств? Разве не произвели революционный переворот в живописи те, кто преодолел окаменелые каноны классицизма? Кому-то могут не нравиться иные течения, школы, стили, но разве не замечательно их многообразие?

Да, безусловно, и поиски, и разнообразие – хорошо. В особенности для самих деятелей искусств. Аналогичным образом ученые проводят бесчисленные эксперименты, ведут наблюдения, добывают факты. Но разве этим исчерпывается суть научного познания? Оно с этого (и не только) лишь начинается. Так, груда строительных материалов еще не является архитектурным сооружением.

Ньютон, приводя в «Математических началах натуральной философии» многочисленные результаты своих и чужих наблюдений, расчетов, делал это только для доказательства своих выводов. Тем-то и отличается наука: она требует убедительных доказательств.

В искусстве – иначе. Зрителя не интересует, на какие ухищрения пошел художник, чтобы написать картину; какие созвучия использовал в своей симфонии композитор; какой словесный запас у поэта. В искусстве доказательством служит завершенное произведение. Оно предстает зрителю, слушателю, читателю подобно греческой богине любви и красоты Афродите из пены, как данность.

Впрочем, в искусстве XX века все чаще стала присутствовать особая эстетическая категория – безобразное, отвратительное (как говорил один сатирический персонаж, мерзопакостное). И это не карлики Веласкеса, не фантасмагории Босха или чудища Гойи, не

отдельные вкрапления в произведение (скажем, диссонансы в симфонии), а разрушение самих образов, отсутствие красоты и гармонии изначально.

Это уже не Афродита, выходящая из пены морской, и даже не какая-то неказистая купальщица, а просто – грязная пена.

Кто-то скажет: так проявляется протест художника против уничтожения в наше время красоты и гармонии! Это же лучше, чем слащавые лицемерные произведения «лжеискусства»!

Да, может быть, протест; может быть, он лучше, чем откровенная ложь. Но все-таки это, пожалуй, просто-напросто не искусство. Протестом против засилья пошлости и безобразия может быть только то, что им противостоит, – высокое искусство, красота.

Найдется немало желающих оспорить это мнение. Однако полезно вспомнить о картинных галереях, где народ толпится перед шедеврами Леонардо и Рафаэля, и отрешенных одиноких посетителей среди творений абстракционистов и других течений.

«Абстракционизм, – писал Сальвадор Дали, – унылейшее искусство; участь художника-абстракциониста плачевна, и тем плачевнее, чем сильнее он верует в абстрактное искусство, но всего хуже – я того и врагу своему не пожелаю – посвятить жизнь изучению абстрактного искусства и писаниям о нем».

Авангардистам он предложил: «Начните с того, что выучитесь писать, как старые мастера; после можете писать, как вам заблагорассудится, но уважение уже будет завоевано».

Это не благой совет, не поучение, а принцип, которому следовал он сам. Хотя научиться технике живописи необходимо, но недостаточно для того, чтобы стать не просто хорошим ремесленником, но – мастером. А это означает – быть незаурядной личностью.

Но был ли сам Сальвадор Дали творцом прекрасного? Мало ли в его произведениях уродливых, искаженных образов, а то и нарочитого эпатажа, стремления пробудить у зрителя или читателя не восхищение прекрасным, а чувство отвращения мерзостью разложения, гнили?

Впрочем, это нам еще придется обдумать на примере некоторых его картин. Хотя можно сразу сказать, что в своей жизни он претерпел немало метаморфоз и порой позволял себе творить то, что в обиходе называют халтурой. Несмотря на свою яркую индивидуальность, он во многом оставался частицей того общества, в котором существовал.

Путь к творчеству

Можно сказать, Сальвадор Дали рано «постарел»: не участвовал в детских играх, не дружил с мальчишками. Позже он объяснял это своим высокомерием, чувством своего превосходства: «Внизу – все прочие: пушечное мясо, и не подозревающее, что есть такая способность – тосковать, вся эта шушера, шелуха, размазня, сброд, стадо недоумков, которым можно вдолбить все, что угодно».

Но было, пожалуй, иначе. Его останавливал страх оказаться хуже, слабее, нелепее других мальчишек. Он был трусоват. Этому способствовало «женское воспитание», постоянная опека.

В его случае трусость – серьезный недостаток – принесла некоторую пользу. Он не стал приспосабливаться к среде сверстников и предпочел одиночество. Это обернулось возможностью оставаться один на один с будущей своей страстью – живописью.

Поистине судьбоносным для Сальвадора Дали стало событие на первый взгляд заурядное: поступление на вечерние курсы муниципальной школы рисования. Это посоветовал сделать друг семьи Пепито Пичот.

Сколько тысяч, миллионов детей поступают в художественные школы, обучаются рисованию, достигая при этом немалых успехов. Но многие ли из них могут гордиться творческим успехом, подобно Сальвадору Дали? И чем объяснить его, как бы он сказал, необычайный гений?

На мой взгляд, вовсе не каким-то врожденным талантом. Да и в чем же может выражаться талант художника? Каким-то особенным чувством цвета и форм, гармонии зримых образов? Возможно, кто-нибудь и раскроет эту тайну, но мне она недоступна. Не потому ли, что ее нет?

Однажды мать спросила его: «Миленький мой, скажи, чего тебе хочется, скажи!» Больше всего ему хотелось получить крохотную комнатку на чердаке – бывшую прачечную, превращенную в чулан. Он ее получил и превратил в мастерскую.

Там стояла огромная цементная ванна. В нее он поставил стул, поперек положил доску – получился стол. В жару раздевался, открывал кран и, не отрываясь от кисти и красок, принимал ванну. «Я уже начинал понимать, пусть смутно, – писал он, – что играю в гения. Тогда еще Сальвадор Дали не знал, что гением можно стать, играя в гения, – надо только заиграться».

В комнатке-мастерской он проводил почти все свое свободное время. Мир улицы его манил и пугал: «Как мучительно мне иногда хотелось спуститься вниз, на улицу, смешаться с возбужденной ночной толпой! Оттуда, снизу, до меня доносились веселые возгласы. Мальчишеские и девичьи – главное, девичьи! – голоса вонзались в меня, как стрелы в тело мученика, и ранили мою гордую грудь. Нет, нет и тысячу раз нет! Ни за что! Я, Сальвадор, останусь там, где мне назначено быть, – наверху, без никого, один на один с химерой, окутанной смутным флером, наедине со старостью – ведь я, по сути дела, уже состарился».

Однажды по дороге в коллеж он мельком увидел девочку с тонкой талией, перехваченной серебряным пояском, и влюбился с первого взгляда. Звали ее Дуллита. Он мечтал, что она придет к нему в мастерскую. По-видимому, в одиночестве его обуревали не только художественные, но и сексуальные фантазии, которые позже он показал на картинах.

Родители отправили его на отдых в имение Пичотов «Мельница у Башни». Здесь любовь к Дуллите слилась для него с любовью к великолепной природе. О своем распорядке дня он писал:

«Десять утра. Пробуждение, эксгибиционистские штучки, далее завтрак в компании импрессионистских полотен Рамона Пичота. С одиннадцати и до половины первого –

мастерская, мои художественные находки: я заново изобретаю импрессионизм и возрождаю маниакальное самосознание художника».

В курятнике он устроил свой зоопарк: два ежа, двадцать разновидностей пауков, два удода, черепаха и мышонок, пойманный на мельнице. Пауков он поместил в картонную коробку, разделив ее на отсеки. Гордостью его зоопарка была двуххвостая ящерка. Он часами наблюдал за животными. Он был любознательным и умел удивляться, а не только восхищаться увиденным, стремился не только зарисовать, но и познавать увиденное.

Если верить его рассказу, там, у мельницы, он впервые испытал экстаз свободного творчества и эксперимента. На старой, изъеденной древоточцами двери он изобразил натюр-морт. Сначала вывалил на стол вишни из лукошка и стал создавать картину тремя красками, выдавливая их из тюбиков прямо на дверь: киноварь для светлого бока вишни, кармин – для тени, белила – для солнечного блика.

Картина изумила всех. Кто-то заметил, что у вишен нет хвостиков. Сальвадор стал торопливо есть вишни, вдавливая хвостики в краску. И тут обратил внимание на то, что вишни с червяками. Тогда он принялся пинцетом вытаскивать червячков из вишен, а древоточцев из двери и менять их местами. Сеньор Пичот молча наблюдал эти манипуляции и, наконец проронил: «Это гениально!»

Именно такие слова мечтал услышать Сальвадор.

На закате он поднимался на башню. Это были долгожданные и торжественные минуты. Под косыми лучами солнца предметы обретали четкий рельеф и необычайно яркие краски. А за пологими холмами, словно вырезанная резцом на темном небе, розовела кромка гор.

Однажды молодежь отправилась собирать липовый цвет. Когда они поднялись на чердак за приставными лесенками, среди всяческой рухляди он увидел предмет, поразивший его воображение. Это был костыль!

«Я тут же схватил костыль и понял, что не расстанусь с ним никогда – в одну минуту я стал фанатиком-фетишистом. Сколько величия в костыле! Сколько достоинства и покоя!.. Костыль венчала опора для подмышки – раздвоенная подпорка, обтянутая тонким вытертым сукном в темных пятнах, и я нежно и благодарно приник к выемке щекой, потом лбом и погрузился в раздумье. А после вскочил и, торжествуя, проковылял в сад, опираясь на костыль. С ним я обрел уверенность в себе и даже невозмутимость, дотоле мне недоступные».

Через несколько лет подобные костыли – разных размеров – станут часто встречаться на его картинах. Что бы это значило? Неужели они потребовались ему, уже признанному мастеру, для обретения уверенности в себе?.. Позже мы еще поразмыслим над этим, а пока отметим его верность впечатлениям детства. Не таково ли проявление «художественной природы»?

В саду он не расставался с этим костылем. Сбором липового цвета себя не утруждал. Но успел влюбиться в девочку, помогавшую матери. Развилкой костыля он тронул ее плечо. Она обернулась и услышала тихое взволнованное заклинание: «Ты будешь Дуллитой!»

Девочка испугалась и бросилась бежать к матери. А он пошел бродить по саду, выбирая дальние аллеи, и наткнулся на мертвого ежа.

«Я содрогнулся от отвращения, но подошел ближе. Шкурка, покрытая иглами, ходила ходуном, раздираемая клубящимся алчным месивом червей... В приступе дурноты я затрепетал всем телом и едва устоял на ногах. Искры дрожи холодным бенгальским огнем взбегали вверх по позвоночнику и разлетались колючим кружевом стоячего испанского воротника. То был апофеоз омерзения и страха, но, повинаясь какому-то мучительному притяжению, я подошел еще ближе... Дикое зловоние вынудило меня отступить, и я со всех ног кинулся к липам – вдохнуть их аромат и вычистить легкие... Как в истерике, как в лихорадке, я метался от ежа к липам и обратно, пока не вздумал перескочить через ежа и едва

не свалился прямо на терзаемый червями черный шар. Ком омерзения подкатил к горлу, и я, обороняясь, ткнул костылем в это кишасщее месиво – в самое сердце ежа, набухшее тьмой и смертью. И оказалось, что выемка моего костыля и эта раздутая падаль просто созданы друг для друга...

Я ткнул посильнее, еж перевернулся, и волна сладостной гадливости окатила меня с головы до ног. Я был на грани обморока. Окоченевшие лапы зверька торчали прямо, как палки, а между ними, разрывая тонкую лиловатую стенку брюшка, извиваясь и тесня друг друга, лезли черви. Это было уже выше моих сил. Я бросил костыль и побежал прочь...

Превозмогая гадливость и стараясь не глядеть на ежа, я вернулся за костылем. Сейчас, сейчас же я побегу с ним к реке и там, за мельницей, где сильное течение, где вода пенится и бурлит, я омою оскверненную развилку, а после высушу ее, возложив костыль на липовый цвет, рассыпанный по полотну, нагретый полуденным солнцем...

С того дня костыль стал для меня и пребудет, пока я жив, в равной мере символом смерти и символом воскресения».

В этом фрагменте воспоминаний Дали соединение мерзости и восторга показывает один из принципов его эстетики. Другой – изменчивость образов, фантастические превращения, увиденные в детстве при взгляде на небо: «Все мои детские фантазии воскресли в клубящихся валах облаков и заполонили небо: крылатые кони, дыни, женская грудь, серебристый шарик на резинке – моя игрушка, осиная талия Дуллиты. Но вдруг... я увидел борцов. Оба бородатые, сильные, злые, они готовились к схватке и играли мускулами, а призрачный петух, раскинув крылья, так и норовил клюнуть одного из бойцов в спину...

И бой грянул – они столкнулись и вздыбились уже единым слитным телом; месиво поглотило обоих. И в ту же секунду из облака выбился и за клубился смерч, творя новый образ. Я узнал его – узнал в тот же миг. То была громадная голова Бетховена, глыбой нависшая над равниной. Через секунду лоб Бетховена, темнея и ширясь, поглотил лицо и вспучился, явив уже не голову, а гигантский, отливающий свинцом череп. Сверкнула молния – и он раскололся надвое, точно посередине, и в трещине, словно мозг, мелькнула небесная синь. Следом грянул гром и взбеленился ветер – душный, горячий, он разметал и липовый цвет, и раскричавшихся ласточек... Хлынул дождь. Его плети безжалостно хлестали кающийся сад, истерзанный ужасом и жаждой. Тем разрешилось долгое противостояние земли и неба, жаждавших друг друга».

Из-под ига Эго

«Как личность я куда крупнее своего таланта», – считал Сальвадор Дали. Если иметь в виду только его талант художника, он прав. Но невольно обращаешь внимание на его настойчивое подчеркивание своего величия, своей гениальности. Например: «Когда все гении перемрут, я останусь в гордом одиночестве», «Через века мы с Леонардо да Винчи протягиваем друг другу руки».

Что это означает? Кто-то скажет: он действительно был гением, а стало быть, говорил правду. Даже если так, зачем это твердить, как заклинание, на разные лады? Если уж ты такой необыкновенный, пусть об этом трезвонят другие. Что за странная страсть к бахвальству? Предположим, ты гений. И что тут такого? Помните, как у Гоголя: Александр Македонский был великий полководец, но зачем же стулья ломать?

В случае с Дали дело обстоит хуже. Он не только высоко оценивал свои таланты (по сравнению с современниками). Некоторые его признания свидетельствуют о далеко не лучших чертах этой незаурядной личности:

«Я никогда не был пацифистом. Я не выношу детей, животных, всеобщее голосование», «Я – иезуит высшей марки – испытываю истинное наслаждение, когда умирает кто-нибудь из моих друзей: я чувствую себя если не убийцей, то виновником его смерти».

На это можно возразить: он хотел просто шокировать публику, кривил душой, выставя себя не таким, как все. Нет, не совсем так. Например, когда погиб его близкий друг Гарсиа Лорка, Сальвадор Дали реагировал на это почти так, как сказал здесь.

И еще из его откровений: «Я употребляю людей в свое удовольствие, и если они перестают меня интересовать, тут же забываю». Если в этом случае он преувеличивал, то не существенно. Есть все основания утверждать, что он действительно был эгоистом, чему способствовало воспитание в семье. И в этом, увы, не был оригинальным, как бы он ни старался демонстрировать свою оригинальность в том, что лелеял и выпячивал свой эгоизм, выставя его напоказ.

Наш известный поэт Борис Пастернак писал: «Цель творчества – самоотдача». С этим утверждением трудно согласиться. Самоотдача – не цель творчества, а его суть. Цели могут быть разными, но для их достижения необходимы творческое напряжение, горение, проявление своей личности. Но какая может быть отдача от эгоиста? Он же стремится больше получать, а не давать!

Да, эгоист таков. Но – не каждый. Сальвадор Дали был редким исключением из этой не очень-то симпатичной массы.

Он был честолюбив и амбициозен. Большинство таких молодых людей стремятся проявить себя как отличники, удостоенные похвальных грамот и почетных дипломов. Сальвадор и тут выделялся: для него подобные отличия не имели значения. Ему надо было выделяться во всем – начиная с внешности и поведения и кончая достижениями в творчестве. Последнее – самое важное, существенное.

«Я продолжал учиться – кое-как, – вспоминал он. – Все знакомые уговаривали отца смириться с тем, что я стану художником, в особенности учитель рисования сеньор Нуньес, который ни дня не сомневался в моем таланте. Но отец тянул с решением – его пугала свободная профессия, он предпочел бы занятие понадежнее. Однако отец всячески способствовал моему художественному образованию: покупал мне нужные журналы, книги, кисти, краски, холсты и вообще все, что я просил и без чего спокойно мог обойтись, повторяя при этом: “Ладно. Кончишь институт, а там посмотрим”».

Нормальный эгоист послушает совет отца, поступит в институт ради собственного благополучия, получит выгодную профессию, а в свободное время займется чем-то в свое

удовольствие. Выбор «свободной профессии» художника – большой риск. Нормальный эгоист рисковать своим благополучием не станет: он же Единственный, и ему нужна собственность!

Сальвадор Дали готов был идти на риск. Для него многое значила материальная помощь отца. И все-таки его не останавливала перспектива лишиться ее. Возможно, об этом он и не задумывался всерьез. У него была цель – стать выдающимся художником. И он шел к ней с маниакальным упорством. Понимал, что ее невозможно достичь одним лишь усердным ученичеством.

Он много читал – все подряд книги обширной отцовской библиотеки. Сильнейшее впечатление произвел на него «Философский словарь» Вольтера. Но больше всего нравились ему сочинения Иммануила Канта: «Я не понимал почти ничего, но уже одно то, что я читаю Канта, наполняло меня счастливой гордостью. Как очарованный странник, блуждал я по лабиринту его построений, и мои едва прорезавшиеся мозговые извилины ловили музыку сфер.

Мне казалось, что такой человек, как Кант, автор столь значительных и совершенно бесполезных книг, должен быть по крайней мере ангелом. Как голодное животное, дорвавшееся до пастбища, я набрасывался на книги, недоступные моему пониманию. Это было сильнее меня – так недостаток кальция в организме заставляет нас жевать мел, отколупывая от стен побелку».

Отлично сказано! Замечательное качество, достойное гения: жажда познания! Человека не удовлетворяет то, что он знает и что ему преподают. Он стремится к высшему.

Интересно, сумел ли Дали осилить знаменитую «Критику чистого разума» Канта. Ведь сам великий философ признавал: «Книга суха, темна. Противоречит всем привычным понятиям и притом слишком обширна».

Великое достоинство Канта: он был не только философом, но и естествоиспытателем. Ему принадлежит одна из первых космогонических теорий; в университете он читал курсы лекций по физике, математике, минералогии, антропологии, физической географии.

Кант высказал, помимо всего прочего, одну важную мысль: «Легче понять образование всех небесных тел и причину их движений, короче говоря, происхождение всего современного устройства Мироздания, чем точно выяснить на основании механики возникновение одной только былинки или гусеницы».

(Было бы точнее сказать, что одинаково трудно выяснить и происхождение Мироздания, и возникновение былинки; вне понимания жизни Земли и ее обитателей рассуждения об эволюции Вселенной остаются всего лишь домыслами и формальными упражнениями.)

У Сальвадора Дали есть высказывание, заставляющее вспомнить приведенную цитату из Канта: «Само существование реальности тайна великая есть. И не только великая – это высокая и запредельная, то есть самая сюрреальная из тайн».

По мнению Канта, есть три главных вопроса философии. Что я могу знать (метафизика)? Что я должен делать (мораль)? На что смею надеяться (религия)? Позже он добавил четвертый: что такое человек? И уточнил, что к нему сводятся первые три.

Как не на словах, а на деле отвечал на эти вопросы Сальвадор Дали?

Я должен знать как можно больше.

Мне надо стать выдающимся человеком и художником.

На существование своей неповторимой личности после смерти я не надеюсь, а поэтому буду жить наиболее полной творческой жизнью, стараясь достичь вершины славы.

Что есть человек? Попытаюсь понять это на собственном примере и выразить в живописи.

Примерно так мог бы ответить Дали на вопросы, поставленные Кантом. Хотя, вполне возможно, он не задумывался над этим. Его интересовала философия как некая таинствен-

ная страна идей и мнений; ему нравилось общаться – через века и страны – с великими мыслителями прошлого.

Дали покорили манера мыслить Спинозы, его стремление к четкому, логично выверенному знанию. Характерно название одного из его сочинений: «Этика, доказанная в геометрическом порядке».

Затем Сальвадор открыл для себя Декарта: «Он понадобился мне как фундамент для моих собственных конструкций». Что это за фундамент, не сказано. Возможно, наиболее отвечало его взглядам высказывание Декарта: «Я родился с таким умом, что главное удовольствие при научных занятиях для меня заключалось не в том, что я выслушивал чужие мнения, а в том, что я стремился создать свои собственные».

Удивительное признание Сальвадора Дали: «Я начал читать философов словно бы в шутку, а кончил тем, что рыдал над ними. И это я, никогда в жизни не проливший ни единой слезы ни над романом, ни над драмой, сколь бы ни бередили они душу, я зарыдал над определением тождественности у одного из этих философов... И даже теперь, когда я раскрываю философскую книгу – изредка, от случая к случаю, – всякий образчик мыслительной культуры человечества, случись мне его обнаружить, трогает меня до слез».

Вспоминается пушкинское: «Над вымыслом слезами обольюсь». Нет, пожалуй, тут другое: радость познания.

Человек, испытывающий восторг от проявлений культуры мышления, от мысли, высказанной кем-то другим, испытывающий неутолимую жажду познания и творчества, – такой человек сумел хотя бы отчасти преодолеть духовную тюрьму своего Эго.

Путь к себе

Сальвадору Дали во время его запойного увлечения философией запомнилась модная в то время книга Фридриха Ницше «Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого». Что вынес для себя Дали из нее? Наверняка укрепился в своем стремлении быть не таким, как все, приблизиться к сверхчеловеку. А еще?

Он не был в восторге от стиля этого сочинения («Мне казалось, что о том же я мог бы написать куда лучше»). Это показательно. Значит, ему нравилось более четкое изложение Декарта, Спинозы, Канта. В своих исканиях Дали опирался на рассудок, а не на эмоции.

Ницше восстал против закабаления личности государством, религией, научными догмами, философскими императивами, вековыми предрассудками и традициями. Одна из его главных идей: глупо заботиться о ближнем, ибо он слаб и жалок. Его надо преодолеть, ему надо исчезнуть с лица земли ради дальнего – Сверхчеловека.

«Так говорил Заратустра» – стилизация под житие восточного мудреца. Ницше стремился воздействовать на душу читателя, на его эмоции, внедрить свои мысли и переживания в подсознание. Судя по всему, Сальвадору Дали это пришлось не по вкусу. Он был рационалистом.

Другое дело – индивидуализм Ницше, и не только теоретический. Мыслитель оставался одиноким всю свою жизнь. Он даже не смог сохранить близкие отношения с другом и отчасти идейным учителем Рихардом Вагнером, который сумел более четко выразить некоторые идеи, обуревавшие и Ницше. Например, Вагнер утверждал: «Лицемерие... является отличительной чертой всех веков христианства». Искусство, находившееся в зависимости от просвещенных владык, «продалось душой и телом гораздо худшему хозяину – Индустрии».

Возродить духовную жизнь может только великая Революция. Ее главной целью должна стать свободная, прекрасная и сильная личность. Человек должен преодолеть ограничение и смирение духа, предполагаемое христианством, и максимально полно раскрыть свою природную сущность. Его цель – «вознести раба индустрии на степень прекрасного сознательного человека, который с улыбкой посвященного в тайны природы может сказать самой природе, солнцу, звездам, смерти и вечности: вы тоже мне принадлежите, и я ваш повелитель!»

Молодому Сальвадору Дали, как многим интеллектуалам начала XX века, такой взгляд на искусство, общество и революцию был по душе. Хотя он не имел никакого желания стать профессиональным политиком. Возможно, ему пришлось по душе высказывание Ницше: «В стадах нет ничего хорошего, даже когда они бегут вслед за тобою».

К тому времени, когда философы-анархисты, индивидуалисты, поклонники Сверхчеловека или Единственного утверждали свои взгляды, окончательно оформились концепции коллективизма, основанные на солидарности трудящихся, принципах взаимопомощи и справедливости. Эти идеи – в разных формах – вошли в политические доктрины социалистов, коммунистов, анархистов, фашистов.

Казалось бы, по складу своей личности Сальвадор Дали должен был примкнуть к фашистам или даже к нацистам с их убежденностью в существовании высшей расы и выдающихся индивидуумов, наиболее приближенных к идеалу Сверхчеловека. Но сказалось влияние отца, приверженца идей гуманизма, справедливости, равноправия. Сальвадор Дали в молодые годы был убежденным социалистом.

Это может показаться странным. Если судить по его воспоминаниям, складывается образ индивидуалиста едва ли не патологического, невротика и параноика, заикленного на собственной персоне. О каком коллективизме, о каких лозунгах «свободы, равенства и братства» может идти речь? Только полная свобода для самого себя, с полным презрением

к безликим народным массам. И все-таки есть в его воспоминаниях определенные сведения о том, что его внутренний мир был вовсе не так прост.

Сальвадор Дали был бы действительно психически больным и умственно неполноценным, если бы не испытывал влияния окружающей среды. А в ту пору страна и мир переживали крупные события. В июне 1919 года в Париже был подписан мирный договор, согласно которому побежденные страны – Германия и Австро-Венгрия – признали свое поражение и были расчленены.

«О мировой войне, – вспоминал Дали, – я сохранил наилучшие воспоминания по той причине, что нейтралитет способствовал экономическому процветанию Испании... В Каталонии закопошился новый люд, отовсюду полезла наглая жирная поросль... В эту войну жителей Фигераса особенно сильно волновали проблемы кулинарии. Тогда же в моду вошло аргентинское танго, завезенное в Барселону коммивояжерами. Заодно они растревожили местное воображение рассказами о заморских забавах – рулетке и баккаре. Вскоре запрет на азартные игры был снят.

...Повсеместно начались празднества, и особенно пышные – в Каталонии, где все сплошь держали сторону Франции. Я сохранил наилучшие, наименее приятные воспоминания о войне и о победе. Долго она нас манила и наконец явилась во всей красе. Меня не обошли чашей на этом пиру – я выпил ее со вкусом, до дна».

Что это за чаша, испитая им на пиру жизни? Оказывается, политическое выступление!

Эта история заслуживает пристального внимания. Она раскрывает некоторые черты характера Сальвадора Дали, о которых он обычно предпочитал умалчивать. В более поздние годы он любил демонстрировать свою аполитичность, позицию, как говорится, «над схваткой». Мол, гений Сальвадор Дали выше всяких политических дрызг, упоен самим собой. Но в его молодости все было не так просто. Он вовсе не находился в полной власти своего Эго.

...На каждого из нас окружающая среда воздействует постоянно и преимущественно незаметно. Мы воспринимаем ее как нечто само собой разумеющееся, как данность. Большинство предпочитает к ней приспосабливаться. Немногие относятся к ней с такой неприязнью, что готовы бороться с существующим режимом не на жизнь, а на смерть. Таковы подлинные революционеры.

Сальвадор Дали к ним не относился. Но и не был он в молодости таким эгоистом, каким выставлял себя в более поздние годы... по определенным, вполне конкретным и объяснимым причинам, а не в силу врожденных или приобретенных психических аномалий.

Проще простого назвал человека врожденным гением, и не надо раздумывать над тем, как он добился выдающихся успехов. Назвал параноиком или эгоистом, вот и объяснил его странное поведение. Простые решения сложных проблем заманчивы. Не станем поддаваться этому соблазну.

Карлос Рохас в книге «Мифический и магический мир Сальвадора Дали» высказал мнение, что живопись многих художников «отражает личность, находящуюся в полном согласии с собой». Суждение далеко не бесспорное, но дальнейшие рассуждения вызывают еще больше сомнений:

«Дали же никогда не мог примириться со своей внутренней сущностью, потому что когда он пытался поглубже заглянуть в собственную душу, то обнаруживал там чужака – покойного брата, тезку и двойника. Как мы увидим, Дали неоднократно говорил о страшной личной драме, каковой являлось для него это другое, исчезнувшее “я” – человек, который пришел в мир раньше него, носил те же имя и фамилию и в жилах которого текла та же кровь. По крайней мере однажды, на лекции в парижской Эколь Политекник, Дали скажет, что его искусство и его экстравагантные выходки порождены именно этим обстоятельством».

Сразу отметим: сказанное однажды, по случаю, в определенной аудитории, да еще таким непростым человеком, как Сальвадор Дали, вряд ли следует считать истиной.

Конечно, Зигмунд Фрейд и некоторые другие психологи учили уделять особое внимание оговоркам, когда человек бессознательно способен выразить свои потаенные желания, представления. Но в упомянутом случае Дали не оговорился, а вполне рационально объяснил, как ему представлялось (или как хотел он убедить слушателей), свое поведение.

Рохас воспринял такое объяснение с полным доверием. Не будем столь легковерными. Хотя в одном он прав: в своей душе Сальвадор Дали «обнаруживал чужака». Но это был не мифический двойник-брат. Кто? Попытаемся это выяснить. Эту тайну личности Сальвадора Дали, насколько мне известно, никто еще не отмечал.

Тайна личности

Обратимся к воспоминаниям Дали: «В Фигерасе предполагалось провести демонстрацию, на которую должны были съехаться политические деятели со всей округи...

“Студенческий союз”, объединивший прогрессивно настроенную молодежь, взял на себя организацию победных шествий и всего остального.

Президент помянутого союза самолично явился ко мне и предложил произнести речь:

– Только ты это сделаешь, как следует. Надо воодушевить, повести! Словом, ты понимаешь... – И он долго тряс мне руку.

Я, не раздумывая, согласился и сел сочинять речь – у меня оставался день на подготовку. Речь начиналась примерно так: “Кровавая жертва, принесенная на полях сражений, разбудила политическое сознание поработенных народов!” Мне, без сомнения, льстило, что выбор пал на меня. Я встал перед зеркалом и начал репетировать речь – выходила первоклассная мелодрама».

Обратим внимание: в своей речи он предполагал говорить о пробуждении политического сознания поработенных народов. Следовательно, выступил с позиций марксизма или анархокоммунизма!

Ничего подобного нельзя ожидать от сторонника Сверхчеловека и воли к власти, гордого индивидуалиста и эгоиста, презирующего безликую народную массу. Юный Сальвадор (по-русски – Спаситель) выступает как политический деятель левого направления, сторонник пролетарской революции.

И еще. Председатель «Студенческого союза» предложил произнести основную речь не кому другому, а Сальвадору. Значит, был уверен в его твердых левых убеждениях и немало авторитете среди молодежи.

Увы, председатель не учел одного важного обстоятельства: Сальвадор Дали был «мучительно застенчив» (его слова). Во многом именно этой причиной объяснялось его вызывающее поведение. Он был застенчивым не из скромности, а, напротив, из-за гордыни, высокого самомнения и страха показаться жалким и смешным.

По его признанию, он боялся опозориться, ибо его имя «давно было у всех на слуху». Речь свою он постарался сделать предельно выразительной как «образчик глубокой мысли и изысканного красноречия». И тут весьма некстати проявилось его чрезмерно яркое, сильное воображение. Он написал свою речь и начал ее разучивать, как бы выступая перед аудиторией. Вдруг он ясно представил себе, что перед ним огромная толпа и все взгляды устремлены на него!

От волнения он тут же забыл «все пассажи и фиоритуры» (он не просто записывал слова, но и продумывал их звучание!). Перед ним расплывалась рукопись, руки дрожали. «Щеки мои пылали, сердце колотилось – нет, я не смогу! Сгорая со стыда, я кинул на пол злосчастный листок, закрыл лицо руками и долго топтал тезисы моей распрекрасной речи. Нет, я не смогу! Чтобы успокоиться, я вышел из дому и целый вечер, бродя по предместью, безуспешно пытался вернуть себе присутствие духа».

Вот каким был реальный, а не вымышленный, притворный Сальвадор Дали. Он был болезненно самолюбив и вовсе не испытывал ни презрения к толпе, ни стремления стать лидером и повести ее за собой.

Утром перед публичным выступлением он чувствовал себя так, словно ему предстояло идти на казнь. Подняв истоптанный лист с речью, свернул в трубочку, перетянул резинкой и приступил к тщательному утреннему туалету. Это его немного успокоило, и он загодя, неспеша, отправился к Республиканскому центру в надежде успокоиться и собраться с силами, прежде чем выйти на сцену как укротитель толпы.

«Напрасные надежды! Оглядевшись, я окончательно пал духом. Здесь было столько взрослых – при них я робел – и множество девушек! Я покраснел как рак, перед глазами поплыли зеленые круги; пришлось сесть. Мне дали воды. Народ все прибывал; зал оглушительно гудел. Над сценой, куда мне предстояло подняться, уже развевалось знамя республики, а под ним стояло три стула. Средний предназначался мне, тот, что справа, – президенту, левый – секретарю. Под смехи и аплодисменты, которые обрушились на меня, как удары молота, мы заняли свои места. Словно бы перечитывая речь, я прикрыл лицо рукой, однако развернул листок столь решительно, что сам удивился. Секретарь союза встал и пустился в пространные рассуждения о том, зачем мы здесь собрались».

У Сальвадора было время окончательно прийти в себя и сосредоточиться на своем выступлении. Однако публика оказалась чрезмерно активной. Докладчика то и дело прерывали язвительные реплики из толпы. Были и одобрительные возгласы, но Дали с болезненным вниманием улавливал только ехидные замечания и воспринимал их так, словно они летели в его адрес.

(Не тогда ли в его воображении возник образ святого Себастьяна, пронзаемого стрелами, но духовно неуязвимого, – как недостижимый пример для подражания?)

«Реакция публики вынудила секретаря скомкать концовку, и он предоставил слово мне, – вспоминал Сальвадор. – В зале воцарилась тишина, и я вдруг осознал, что все эти люди пришли сюда затем, чтобы услышать мою речь. Так я впервые испытал наслаждение оттого, что стал предметом всеобщего внимания, – с тех пор я высоко ценю этот вид наслаждения и неизменно стремлюсь к нему.

Я медленно встал, мучительно пытаюсь припомнить хотя бы начало речи. Чем все это кончится, я не представлял. Ни единого слова я так и не припомнил – и молчал. Тишина с каждой секундой сгущалась, я вяз в ней и молчал. Тишина подступала к горлу, мне уже было нечем дышать, когда вдруг я понял: сейчас что-то разразится! Но что? И в ту же минуту кровь ударила мне в голову, отчаянным жестом я вскинул руки и возопил во всю мочь: «Слава Германии! Слава России!» – и пнул ногой стул. Он повалился прямо на первые ряды, зал всколыхнулся, и началось нечто невообразимое. С изумлением я увидел, что на меня уже никто не обращает внимания – все колошматят друг друга в пылу политических дискуссий. Я гордо поднял голову, вышел на улицу и направился домой».

Так ли точно все было, сказать трудно. В ту пору митинговали много и по разным поводам, так что об этом его выступлении, насколько мне известно, других сведений не сохранилось. Возможно, он успел выкрикнуть еще несколько фраз. В любом случае очевидно: он приветствовал не Парижское мирное соглашение, не победу одних империалистов над другими, а революционные выступления в Германии и России.

Его слова вызвали бурную реакцию. Публика резко делилась на два лагеря: сторонников революции, власти трудящихся, а также анархии, безвластия, и на консерваторов, поклонников частной собственности, капитала и конституционной монархии, а возможно, и буржуазной демократии. (Для периодов социального брожения характерно смешение политических взглядов, а то и полная невнятица, хотя наиболее определенно различаются противники и сторонники существующего строя.)

Итак, после своего выразительного выступления Сальвадор Дали предпочел удалиться, не принимая участия в начавшихся с его подачи беспорядках. Дома на вопрос отца «Как речь?» – сын ответил: «Грандиозно!»

Да, его речь произвела сильное впечатление. «Марти Виланова, один из местных политических лидеров, обнаружил в ней высший смысл:

– Уже нет ни союзников, ни побежденных. В Германии совершается революция, что позволяет приравнять ее к победителям, не говоря уж о России, где война привела к могучему социальному взрыву, который внушает лучезарные надежды!

Так что пинок, которым я опрокинул стул, был насущно необходим – никто кроме меня не мог встряхнуть эту сонную толпу и вынудить ее поразмыслить над ходом истории. Вы поняли, наконец, с кем имеете дело? С великим человеком, к вашему сведению, – со мной, Сальвадором Дали! Воистину велик Дали!»

Так он изложил этот эпизод много лет спустя, в возрасте 36 лет, когда пришел к другим убеждениям. Теперь он стал вживаться в роль великого и ужасного индивидуалиста-гения. Но перед нами предстает другой Сальвадор Дали, если вернуться в ту послевоенную эпоху.

Вспомним некоторые основные ее черты.

Первая мировая война сотрясла Европу и вызвала крупные социальные конфликты во многих странах. Революционные события в России показали, что рабочие и крестьяне, руководимые социал-демократами и левыми эсерами, способны взять власть в свои руки. Не помогли выступления белых, сторонников буржуазной демократии, иностранная интервенция. Резко обострилось движение рабочих в европейских странах.

В конце октября 1922 года в Италии главой правительства стал лидер фашистской партии Бенито Муссолини (год спустя в Германии Адольф Гитлер во главе национал-социалистов попытался взять власть). Испанию сотрясали террористические акты, выступления рабочих, демонстрации анархистов и социалистов. С согласия короля Альфонса XIII генерал Мигель Примо де Ривера установил в стране осенью 1923 года военную диктатуру.

Мог ли Сальвадор Дали оставаться в стороне от таких событий? Он уже вышел из-под домашней опеки, оказался в кругу сверстников и стал членом «Студенческого союза», где господствовали социалистические и анархические взгляды.

Из его воспоминаний создается впечатление, будто в эти годы он был озабочен самим собой и своим творчеством, мало обращая внимания на политические события. О своем выступлении на митинге рассказал с иронией. Но его дневники и некоторые рисунки свидетельствуют о том, что у него достаточно четко определились политические взгляды и он вовсе не был равнодушен к тому, что происходит в мире и его стране.

Следя по газетам за революционными переворотами и Гражданской войной в России, он записал в дневнике: «Тогда придет время терроризма. Придут черные дни, массовые расстрелы людей... Но на этот раз настанет очередь униженных и угнетенных, сумасшедших и фанатиков пролить реки крови на улицах Барселоны, утолить свою жажду справедливости и независимости... Троцкий предсказывал, что Испания последует примеру России».

Запись в его дневнике 19 ноября 1919 года: «Да здравствует Советская республика!» По-видимому, идеи коммунизма были в ту пору близки Сальвадору Дали. Он написал портрет Льва Троцкого – черным на красном фоне, нечто подобное дружескому шаржу: огромный лысеющий лоб и демоническая ухмылка. Именно этого человека называли «Демоном революции».

Действительно, в его облике и призывах, стремлении разжечь мировой пожар (за счет русского народа) было нечто демоническое. В 1920 году его ставленник, молодой и неопытный командующий Западным фронтом М. Н. Тухачевский, свое стремительное наступление на Варшаву считал прелюдией мировой революции. (Операция провалилась; белополяки замучили в плену более 20 тысяч красноармейцев.)

В Испании среди революционеров преобладали анархисты и троцкисты. Последние имели значительные международные связи. До сих пор в их деятельности остается много неясного. Вообще, ситуация с идеей мировой революции была не так проста, как обычно думают и как в свое время полагал Сальвадор Дали.

Например, в книге «Марк Шагал. Ангел под крышами» (1989) приведена переписка Шагала с бойцом интернациональной бригады А. Люснером в 1938 году. Люснер писал: «Вот уже около двух лет еврейские массы, взяв в руки мощное оружие, уже не одного сторонника гитлеровского “Майн кампф” заставили изменить свое мнение о том, что мы ни

на что не способны». Марк Шагал ответил: «Я сознаю, что наше еврейское сопротивление против наших врагов приобретает черты и масштабы библейские».

Это, конечно, не означает, будто большинство испанских троцкистов были евреями и это они в основном сражались с фашистами. В самой Испании на стороне республиканцев сражались люди разных национальностей, в частности русские (был среди них и будущий Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский). Однако не случайно глашатай мировой революции Льва Троцкого поддерживали американские банкиры.

В те годы Дали был сторонником социализма или даже коммунизма. Во всяком случае, он воспринимал такие взгляды как знамение времени – эпохи революционных перемен – и борьбу за социальную справедливость и свободу от «железной пяты» (известный роман Джека Лондона) и тяжелой мошны капитализма.

В конце 1922 года на I съезде Советов в Москве было провозглашено создание Союза Советских Социалистических Республик. На это событие Сальвадор отозвался виньеткой: «СССР. Да здравствует Россия. Смерть войне» (он протестовал против иностранной интервенции). Выходит, когда позже он утверждал, что никогда не был пацифистом, то был или забывчив, или неискренен. Судя по всему, в юности у него сложились марксистские взгляды с делением войн на справедливые и несправедливые.

Почему же Сальвадор Дали не избрал путь политического деятеля? При столь радикальных взглядах, после оглушительного успеха на митинге, устроенном «Студенческим союзом», и одобрительного отзыва одного из местных политических лидеров, ему открывалась возможность политической карьеры. Разве он не был честолюбив? Разве не чувствовал себя великим человеком? Разве не мечтал стать Наполеоном?!

У него было немало задатков для того, чтобы воспользоваться социальным брожением и, подражая Троцкому, на волне революционного подъема подняться к вершинам власти. Что ему для этого доставало? Что исключало политическую карьеру?

Прежде всего робость или даже трусость. Он был не только застенчив в обществе, нерешителен с девушками. Он был боязлив. Для крупного государственного и политического деятеля это невосполнимый недостаток. А стать ловким и мелким политическим демагогом он счел бы ниже своего достоинства. Только – лидером. Но такой перспективы у него быть не могло, и он понимал это.

Не менее важно другое: его несравненно сильнее политики притягивало к себе искусство. Не просто как возможность проявить свой гений, прославиться. Из его воспоминаний можно сделать вывод, будто он уже заранее предвкушал восторги в свой адрес и высокие гонорары. Но это написано после того, как он этого добился. А прежде...

Он совершенно определенно и безоговорочно решил посвятить себя искусству. Одного этого было бы достаточно для объяснения его отхода со временем от политики, социальных проблем. Однако в молодые годы выбор жизненного пути для него был не столь определен. Ведь когда ему поручили доклад на митинге, он от этого не отказался, а испытал прилив энтузиазма.

Почему бы ему не последовать примеру футуриста Маринетти, ставшего одним из лидеров итальянских фашистов? Поэт Габриеле д'Аннунцио, эстет и убежденный фашист, в сентябре 1919 года с отрядом добровольцев захватил на северном побережье Адриатики город Риеку (Фиуме), провозгласил его независимость и продержался там больше года. Мог ли предпринять нечто подобное Сальвадор Дали?

Нет. Для этого ему доставало мужества. Он был, как говорится, женственным мужчиной: сказывалось воспитание в семье.

Если бы эпизод с его докладом на митинге был единичным, то было бы слишком смело делать на этой основе далекоидущие выводы. Но Сальвадор Дали оказался участником по

крайней мере еще одной политической акции. Судя по его словам, произошло это благодаря нелепой случайности:

«Как-то раз, пропустив несколько дней по болезни, я пришел на занятия в ту самую минуту, когда толпа перед школой, выкрикивая что-то невнятное, разбегалась в разные стороны от небольшого костерка. Поначалу я его не заметил и решил, что причиной всеобщего бегства было мое появление. Но нет – оказывается, накануне какие-то события возбудили каталонских сепаратистов и местную прессу, вследствие чего в то роковое утро молодежь публично сожгла не что иное, как испанский флаг. Это над его жалкими останками у самых моих ног вилась черная струйка дыма.

Я хотел осведомиться, что происходит, но спрашивать было не у кого – я один стоял над жалкой кучкой пепла, а демонстранты с изрядного расстояния взирали на меня испуганно и восхищенно, ибо патруль направлялся прямо ко мне. Меня схватили, не обратив внимания на уверения, что я здесь совершенно случайно, и повели в тюрьму. Так я стал героем манифестации, к которой не имел ни малейшего касательства. Назавтра весь город только и говорил, что я один остался у знамени, являя мужество и присутствие духа, когда остальные при виде патруля бросились врассыпную. Суд, по счастью, освободил меня от наказания как несовершеннолетнего, но это уже не имело значения – меня заметили.

Как раз тогда я отпустил волосы до плеч и часто подолгу стоял у зеркала в характерном рафаэлевском повороте, принимая печальный вид, – больше всего на свете я хотел походить на Рафаэля! А с каким нетерпением я ждал, когда наконец у меня начнет расти борода – мечтой моей было отпустить бакенбарды. И вообще обрести несусветный вид, из самого себя вытворить шедевр. Иногда украдкой я пробирался в материнскую спальню и наспех запудривал лицо, а вокруг глаз наводил черные тени. Выходя на улицу, я кусал губы – для пущей яркости. И только и думал, что бы еще сотворить с собой, тем более что стал замечать любопытствующие взгляды, сопровождаемые восторженным шепотом: “Видели? Это и есть сын нотариуса Дали – тот самый, что сжег флаг!”»

В те годы, когда Дали писал эти воспоминания, он продолжал с восторгом смотреть фильмы Чарли Чаплина. В одном из них – «Новые времена» – произошло нечто подобное тому, о чем поведал Сальвадор Дали. Безработный Чарли подбирает красный флажок, упавший с проезжавшего грузовика, начинает им махать, бежит за машиной, желая привлечь внимание шофера. К Чарли присоединяется все больше людей, воспринявших его выход с красным флажком как демонстрацию протеста. Когда на толпу набрасывается полиция, ни в чем не повинного Чарли хватают, тащат в полицейский участок и бросают в тюрьму.

Спору нет, я могу ошибаться, но эпизод с тлеющим испанским государственным флагом, возле которого якобы случайно остановился Сальвадор, ставший по недоразумению арестованным, мне представляется вольной или невольной вариацией на чаплинскую тему. То, что мы знаем о политических взглядах молодого Дали, делает вполне вероятной версию, что он сознательно встал у тлеющего флага.

Значительно позже он написал, будто разыграл эту сцену только для того, чтобы его заметили. Сомнительно. Он и без того был заметной фигурой, несмотря на молодость. Полиции он не боялся потому, что был несовершеннолетним, а также зная, что отец, уважаемый в городе, вызовет его из беды.

Завершая описание этого эпизода, он пояснил: «Замечу, что идея, мучеником которой я стал, была мне не просто безразлична, но глубоко отвратительна. Во-первых, потому, что ею поголовно вдохновлялись все мои однокашники – не мог же я, индивидуалист по природе, пасть в этом стаде! А во-вторых, сколько бы я ни старался, мне все равно бы не удалось выдать из себя хоть каплю патриотизма местного разлива. Душа моя жаждала вселенского размаха – что же, кроме брезгливости, могла вызвать в ней эта идея?»

Сам факт такого комментария подтверждает мою версию. Зачем какие-то пояснения и оправдания, когда сам же написал, что все произошло по недоразумению? Никаким мучеником за идею он не стал и стать не мог по причине своей, мягко говоря, робости. Чтобы выставить себя напоказ, у него было немало других способов, и он умел ими пользоваться.

Вспоминая это событие, он не преминул представить себя юным гением: «Душа моя жаждала вселенского размаха». Вдобавок бросил как бы небрежно: мол, эта мелкая «идейка» не могла вызвать у него ничего, «кроме безгливости». Так ли? Ведь ради нее, несмотря на свой страх перед толпой, он решился («не раздумывая»!) выступить на митинге. Ему – сам признался, никто не заставлял! – «без сомнения, льстило», что выбор пал на него.

Когда сжигают национальный флаг, утверждающий монархическую власть, делается это не из-за какой-то пошлой идейки. Так поступают, рискуя попасть за решетку, во имя утверждения народной (или буржуазной) демократии; для того, чтобы «разбудить политическое сознание поработенных народов», говоря словами Дали того времени.

Некоторые мыслители называли пошлой идею всеобщего прогресса. Однако призыв к свержению монархии вроде бы никто никогда не считал пошлостью. Для сторонников монархии это политическое преступление, а для ее противников – героический порыв.

...Какого же вселенского размаха жаждала душа молодого Сальвадора Дали? Если вспомнить его произведения зрелых лет, то в них ощущается вовсе не вселенский размах, а, напротив, стремление выразить свои личные интимные фантазии, мотивы игры со зрителем, психологические изыски.

Правда, в 1936 году им была создана знаменитая картина эпического звучания – «Предчувствие гражданской войны». Но и у нее поначалу было весьма уклончивое название без намека на какой-то размах: «Мягкая конструкция с вареной фасолью».

Складывается впечатление, что не в юности, как часто бывает, а позже, в молодые годы, у Сальвадора Дали произошел какой-то серьезный внутренний перелом. Если на него вдруг воздействовал призрак умершего брата, то почему так поздно и без всякого повода? Более вероятно другое: ссылка на этот призрак понадобилась Сальвадору Дали для того, чтобы скрыть какую-то серьезную, роковую тайну своей личности.

Печать Иуды: синдром предателя

Не дожидаясь старости, в расцвете физических и творческих сил Сальвадор Дали приступил к своему жизнеописанию. Он подробно рассказал о своих личных переживаниях и порой неблагоприятных поступках, но скупой и уклончивой, с некоторыми купюрами упоминал о прежних политических убеждениях молодости.

Было ли в них, этих убеждениях, что-либо постыдное? Нет. Скорее, героическое и благородное. Его вдохновляла борьба за свободу и справедливость. Предположим, позже он отказался от этих взглядов. Ничего особенного! Многие люди в юности и молодости настроены революционно, а затем примиряются с текущей действительностью или даже становятся убежденными консерваторами.

Однако Сальвадор Дали не просто изменил свои взгляды. Он стал отзываться о них с иронией или уничижительно! Почему? Что же с ним произошло?

Вывод очевиден: он слишком сильно изменился за истекшие годы. Став знаменитым художником и потешая людей своими неординарными выходками, он успешно играл роль махрового «индивидуалиста по природе». И себя прежнего тоже постарался изобразить в этой роли.

С этих позиций он объяснял свои вполне типичные детские капризы избалованного ребенка. Так же он толковал свои причуды юности, желание выделиться и подчеркнуть свою индивидуальность – тоже достаточно распространенное явление. Но был ли он в те годы настолько упоен самим собой, что все прочее его не интересовало? Нет, с умными и талантливыми людьми так не бывает. Вспомним его записи в дневнике и рисунки на политические темы.

В своих интимных воспоминаниях он необычайно откровенен. Совершенно спокойно признается в таких своих поступках и наклонностях, о которых люди предпочитают умалчивать. А вот о политических «грехах молодости» многие пишут без утайки, понимая: юность склонна к радикальным взглядам, бурным выступлениям, необдуманным поступкам.

Почему Сальвадор Дали в этом вопросе избрал несвойственный ему метод умолчания и даже откровенной лжи? Почему так стыдливо, а то и ехидно, глумливо упомянул о социальных идеалах свободы, справедливости и братства, за которые многие шли на смерть? Почему назвал такие взгляды идейкой, вызывающей брезгливость?

Он объяснил просто: душа его «жаждала вселенского размаха».

Чепуха какая-то. Ведь он не стал создавать космические мистерии, не воспевал земную природу – явление для нас, обитателей этой планеты, вселенского масштаба (как наш организм является вселенной для обитающих в нас микроорганизмов, для каждой нашей клеточки). Напротив, предпочел углубиться в свой внутренний мир, дать волю фантазии.

Можно возразить: разве наша душа – не вселенная? Разве не таится в ней бездна неведомого? Не это ли имел в виду Сальвадор Дали?

Пожалуй, он бы согласился с таким толкованием. Но в его произведениях и поведении слишком часто проглядывает иное: скандальность, стремление привлечь внимание публики к своей особе и своим картинам, удивить и заинтриговать. Обычно он ограничивался расхожими догмами психоанализа Фрейда.

Но почему он так цинично отрекся от убеждений молодости? Ничто его к этому не принуждало. Что же подействовало на него?

Предательство.

Кого он предал? Самого себя.

Он предал того Сальвадора Дали, который был в молодости.

Вообще-то нет ничего особенного в смене тех или иных взглядов, включая политические или религиозные. Многие люди под давлением обстоятельств отказываются от романтических идеалов юности без особых терзаний, внутренних конфликтов. Почему же у Сальвадора Дали было иначе?

Суть синдрома предателя: такой человек делает все возможное, чтобы оправдаться прежде всего перед самим собой. Для этого надо опорочить, оклеветать или осмеять то, что предал, если речь идет об организации, идеологии.

У Дали выработался именно такой психический синдром.

Как человек умный, он постарался навести своих читателей и почитателей, слушателей и биографов на ложный след. Он стал рассказывать о глубоких личных переживаниях и внутренних духовных конфликтах в связи с умершим братом. Более захватывающая тема – половая проблема, уводящая в дремучие дебри психоанализа.

Ему этот маневр удался. Его творчество подтверждает не влияние призрака покойного брата, а вполне откровенно – сексуальные фантазии. Он красочно, совмещая наслаждение и отвращение, воспел онанизм в картине «Великий Мастурбатор». По его словам, хотел выразить «чувство вины существа, полностью лишённого жизни из-за активной мастурбации: нос, достающий до земли, и отвратительный фурункул на нем. Каждый раз, когда я извергал сперму, я испытывал чувство вины за то, что тратил ее впустую».

Подобные откровения свидетельствует о другом чувстве вины перед самим собой – о том, что он ради богатства и славы отрекся от убеждений молодости не только на словах, но и на деле, в творчестве.

После 1929 года, уже в зрелом возрасте, Сальвадор Дали под влиянием своих друзей, а прежде всего своей любовницы, а затем жены Галы (Елены Дьяконовой), сравнительно быстро и без особых переживаний резко сменил свои взгляды на политику, идеологию. Он предпочел быть представителем «чистого искусства» – не от мира сего, а от запредельного, сюрреального.

Таков был его маскарадный наряд. С годами Сальвадор Дали стал меняться отчасти потому, что в таком наряде он обрел ошеломляющий успех. С этих пор он превратился в приспособленца, принаравливаясь к тому обществу, которое его возвышало и финансировало.

Но может быть, политические убеждения молодости прошли в его жизни как детская болезнь, как наивные заблуждения юности, не оказав никакого влияния на личность? Вряд ли.

Биографы Сальвадора Дали обходят этот вопрос, словно он не имеет существенного значения. В объемистой книге Карлоса Рохаса на разные лады обыгрываются «комплексы» Сальвадора Дали, связанные с памятью об умершем брате (которого он и знать не знал, о котором даже редко слышал) и отношением к отцу. Словно художник многие годы только и терзался этими проблемами, отгородившись от всего остального мира в скорлупе своего Эго.

По мнению Рохаса, воспоминания Сальвадора Дали – надежный материал для понимания его внутреннего мира. Так патологоанатом вскрывает тело умершего с целью выявить причину его болезни. В данном случае писатель постарался проникнуть в ее потаенные глубины, в область бессознательного по схемам психоанализа Зигмунда Фрейда.

Эти упражнения напоминают подгонку под заранее известный ответ.

Первое: верно ли выбран метод? А то получится, как в черном анекдоте: вскрытие показало, что пациент умер от вскрытия. Второе: писатель провел операцию не с духовной субстанцией художника, а с образом, который создал сам Дали. А это не одно и то же.

Воспоминания – не исповедь. Они освещают одни события и умалчивают о других. Некоторые эпизоды могут вызывать у автора мемуаров неприятные эмоции. Наша память органична, а не механична; некоторые эпизоды, о которых стыдно вспоминать, она откладывает в «долгий ящик», погружает в свои глубины.

Кстати, во многих картинах Дали обыгрываются ящички и ящики – полуоткрытые или закрытые. Возможно, так он выражал скрытые в глубинах подсознания потаенные мысли и чувства.

Сальвадора Дали не упрекнешь в интеллектуальной слабости, уклончивости, лицемерии. Он не стал скрывать, что в молодости имел радикальные убеждения. Привел конкретные факты. И все-таки при этом преподнес их особым образом, с иронией, усмешкой, словно это незначительные случайные эпизоды.

Он и сам так решил для себя – сказался синдром предателя.

Знакомство с сочинениями Зигмунда Фрейда помогло Дали укрепиться в мысли, что духовный строй личности, в особенности невротичной, эмоциональной, определяется преимущественно комплексом Эдипа и прочими внутренними конфликтами на сексуальной и/или семейной основе. Тут-то и пригодился миф о призраке умершего брата.

Скептически настроенный читатель волен возразить: почему я должен согласиться с проявлением у Сальвадора Дали синдрома предателя, а не чего-то другого? Так ли уж серьезно смог повлиять этот психический комплекс (если он был, конечно) на творчество художника? И разве ссылка на такой синдром не напоминает ту же самую подгонку под готовый ответ?

Сомнения вполне оправданы. У меня нет неопровержимых аргументов в пользу своей версии. Как идея новая и непривычная, она совершенно естественно должна вызывать прежде всего отрицательную реакцию.

Моя задача – показать читателю одно из возможных объяснений поведения Сальвадора Дали и направления его творчества. Можно толковать это по-разному. Но мне бы хотелось, чтобы при этом имели в виду и версию синдрома предателя. Хотя у кое-кого она может вызвать неприязнь по сугубо личным мотивам.

Смена вех на жизненном пути

Итак, повторю: для Дали отказ от убеждений юности проходил болезненно, как у любого умного и совестливого человека.

Если Карл Маркс говорил, что по каплям выдавливал из себя раба, то Сальвадор Дали выдавливал из себя борца за свободу и справедливость ради того, чтобы иметь успех, пусть даже скандальный, у публики. Поэтому предпочел выставить себя как чудака и эгоиста, каким вроде бы пребывал с юных лет. Например:

«Все только и говорили что обо мне. Псих он или не псих? Или немного тронутый? Или же существо чрезвычайно одаренное и потому выходящее за рамки нормы? К этой мысли склонялись некоторые преподаватели, и в первую очередь учитель рисования и чистописания, а также психолог. Математик же был убежден, что интеллект мой не дотягивает до среднего уровня. Тем не менее, стоило произойти чему-нибудь из ряда вон выходящему, как все, забыв о разногласиях, единодушно приписывали случившееся мне, и безо всяких усилий я – особенный, единственный в своем роде – снова становился центром внимания».

Но мы знаем, что если он и позволял себе порой нелепые поступки, то было и нечто другое. Выступление на митинге, которое бурно переживал, – как раз тот момент, когда он находился в центре внимания не учащихся и преподавателей, а сотен людей, огромной толпы.

Закоренелый индивидуалист не станет выступать с политической речью, бросая в толпу лозунг: «Слава Германии! Слава России!»

Показательная деталь: приведя эти слова, Дали не счел нужным пояснить, что же он имел в виду, прославляя Германию и Россию. Вновь сошлюсь на все тот же синдром преподавателя. Он умолчал о важной детали: в этих странах произошла социалистическая революция! Суть своей речи он предпочел не раскрывать. Зато с какими подробностями, смакуя, рассказывает о своем стремлении выделиться, произвести на людей впечатление, показать себя взрослым мужчиной:

«Я рос, а в имении Пичотов, в Кадакесе, посреди внутреннего дворика рос кипарис. Бакенбарды, предмет моей гордости, занимали уже половину моей физиономии. Я щеголял в бархатных жилетах темных тонов (чаще всего – в черном) и на прогулке имел обыкновение раскуривать отцовскую трубку, вырезанную... в виде головы араба с ослепительной улыбкой. Когда отец мой ездил в Ампуриас смотреть раскопки, хранитель музея подарил ему серебряную греческую монету с женским профилем. Решив, что это изображение Елены Прекрасной, я попросил ювелира укрепить монету на галстучной заклепке. Это украшение, как и трость, стало неизменной деталью моего туалета. Трости я, можно сказать, коллекционировал, но больше всего мне нравилась одна – увенчанная золотым набалдашником в виде двуглавого орла. Этот императорский жезл как нельзя лучше подходил к моей крепнущей, властной руке».

И что это за властная рука, если она трепещет от одной лишь мысли, что придется выступить на политическом митинге? Сальвадор Дали не особенно властвовал даже над самим собой. Правда, была девушка, над которой он обрел чудовищную власть (если верить его признанию, о котором речь впереди). Только и всего! Он имел возможность проявить свою власть над толпой. Но его хватило только на то, чтобы возбудить эмоции, которых сам же испугался, предпочтя тут же ретироваться.

В его воспоминаниях сквозит образ Сальвадора Дали, сложивший в более поздние годы. Отчасти в этом могли бы помочь воспоминания его сестры. Но она если и знала что-то о его политических пристрастиях, то не упомянула о них. Она стремилась воскресить в

памяти время, проведенное вместе с братом, рассказать о детстве и юности великого художника, все прочее сочла несущественным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.